

ЖОРЖ ПЕРЕК
просто
пространства

Programme

Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностраннных дел Франции
и посольства Франции в России.*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères Français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

GEORGES PEREC

ESPÈCES
D'ESPACES

Journal d'un usager de l'espace

ЖОРЖ ПЕРЕК

ПРОСТО ПРОСТРАНСТВА

Дневник пользователя

Перевод с французского Валерия Кислова

Издательство Ивана Лимбаха

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра) – 44*84

П 27

П 27 **Перек Жорж.** Просто пространства: Дневник пользователя / Пер. с фр. В. Кислова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. — 152 с.

ISBN 978-5-89059-171-5

На первый взгляд, тема книги — наивная инвентаризация обживаемых нами территорий. Но виртуозный стилист и экспериментатор Жорж Перек (1936–1982) предстает в ней не столько пытливым социологом, сколько лукавым философом, под стать Алисе из Страны Чудес, а еще — озадачивающим антропологом: меняя точки зрения и ракурсы, тревожа восприятие, он предлагает *переосмысливать* и, очеловечивая, *переделывать* пространства. Этот текст органично вписывается в глобальную стратегию трансформации, наряду с такими программными произведениями XX века, как «Слова и вещи» Мишеля Фуко, «Система вещей» Жана Бодрийера и «Общество зрелищ» Г.-Э. Дебора.

© Editions Galilée 1974/2000

© В. М. Кислов, перевод, 2012

© Н. А. Теплов, оформление, 2012

© Издательство Ивана Лимбаха, 2012

Посвящается Пьеру Жецлеру

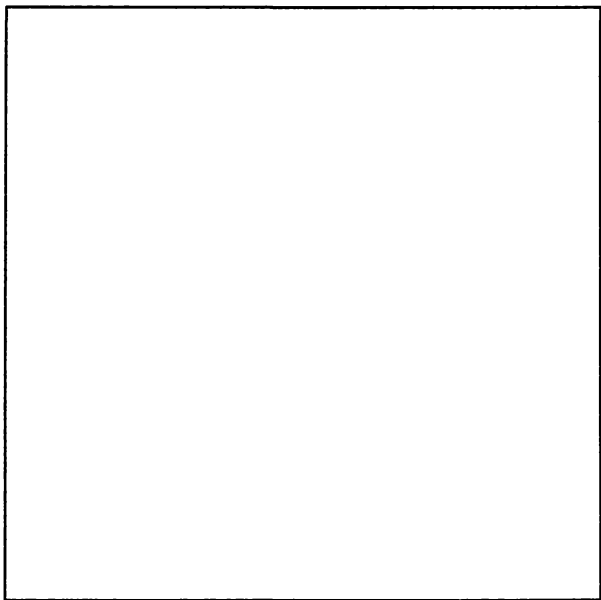

Рис. 1. Карта океана
(из «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла)

ПРОСТРАНСТВО
ПРОСТРАНСТВО СВОБОДНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЗАКРЫТОЕ
ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕКРЫТОЕ
НЕДОСТАТОК ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО РАССЧИТАННОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЗЕЛЕНОЙ ЗОНЫ
ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО КРИТИЧЕСКОЕ
РАСПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПРОСТРАНСТВО ОТКРЫТОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО НАКЛОННОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЧИСТОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЕВКЛИДОВО
ПРОСТРАНСТВО ВОЗДУШНОЕ
ПРОСТРАНСТВО МУТНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ИСКРИВЛЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО МЕЧТЫ
ПРЕДЕЛЫ ПРОСТРАНСТВА
ВЫХОД В БЕЗВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ИЗУЧЕНИЕ ФИГУР В ПРОСТРАНСТВЕ
ВЗГЛЯД, ОТМЕТАЮЩИЙ ПРОСТРАНСТВО
ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО ОТМЕРЕННОЕ
ПОКОРЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО МЕРТВОЕ
ПРОСТРАНСТВО В ОДИН МИГ
ПРОСТРАНСТВО НЕБЕСНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ВООБРАЖАЕМОЕ
ПРОСТРАНСТВО ОПАСНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ПУСТОЕ
ПРОСТРАНСТВО ВНУТРЕННЕЕ
ПЕШЕХОД ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО РАСКОЛОТОЕ

ПРОСТРАНСТВО УПОРЯДОЧЕННОЕ

ПРОСТРАНСТВО ОБЖИТОЕ

ПРОСТРАНСТВО ВЯЛОЕ

ПРОСТРАНСТВО ДОСТУПНОЕ

ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕСЕЧЕННОЕ

ПРОСТРАНСТВО ПЛОСКОСТНОЕ

ПРОСТРАНСТВО ТИПОВОЕ

ПРОСТРАНСТВО ОКРУЖАЮЩЕЕ

ОБЛЕТ ПРОСТРАНСТВА

НА КРАЮ ПРОСТРАНСТВА ВСЕЛЕННОЙ

ПРОСТРАНСТВО ОДНОГО УТРА

ВЗГЛЯД, ЗАТЕРЯННЫЙ В ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВ

ПРОСТРАНСТВО ЗВУКОВОЕ

ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОЕ

ПРОСТРАНСТВО КОСМИЧЕСКОЙ ОДИССЕИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет этой книги — не пустота, а скорее то, что вокруг или внутри нее (см. рис. 1). Хотя на самом деле изначально есть невесть что: ничто, нечто неосязаемое, фактически нематериальное; нечто протяженное, внешнее, то, что вне нас, то, в чем мы перемещаемся; окрестность, окружающее пространство.

Пространство. Даже не столько бесконечные пространства, чье безмолвие — в силу его непрерывности — порождает нечто похожее на страх, или почти одомашненные межпланетные, межзвездные и межгалактические пространства, а пространства, пусть теоретически, куда более близкие: например, городские или сельские, а еще переходы метро или какой-нибудь парк.

Мы живем в пространстве, в этих пространствах, в этих городах, в этих сельских местностях, в этих переходах, в этих парках. И это кажется нам очевидным. Возможно, это действительно должно быть очевидным. Однако это вовсе не очевидно, само собой не разумеется. Хотя, разумеется, все это реаль-

но, а следовательно — и даже вероятнее всего, — подвластно разуму. Можно дотронуться. Можно даже раз мечтаться. Ничто, например, не мешает нам вообразить что-то не городское и не загородное (не пригородное), или такие переходы метро, которые были бы одновременно парками. Ничто не запрещает нам представить и метро в сельской местности (я даже видел рекламу на эту тему, но — как сказать? — это была такая «рекламная тема»). В любом случае несомненно: когда-то, настолько давно, что ни у кого из нас не сохранилось о тех временах ни одного хоть какого-то четкого воспоминания, ничего этого не было: ни переходов метро, ни парков, ни городов, ни сельской местности. Вопрос даже не в том, чтобы понять, как мы до этого дошли, а в том, чтобы всего лишь признать, что мы до этого дошли, что мы уже здесь: нет единого пространства, единого красивого пространства, единого красивого пространства вокруг, единого красивого пространства вокруг нас, а есть множество участков пространства; один из них — переход метро, другой — парк, третий (тут мы сразу же попадаем в пространства более обособленные), поначалу скромный размерами, потом колоссально увеличился и стал Парижем, тогда как соседнее пространство, изначально обладавшее ничуть не меньшими возможностями, довольствуется тем, что осталось местечком Понтуаз. Еще одна

часть пространства, куда бóльших размеров и приблизительно шестиугольной формы, была обведена жирной пунктирной линией (всего лишь траектория этой пунктирной линии явилась единственной причиной бесчисленного множества событий, в том числе событий исключительной важности), и все, что находилось *внутри* пунктирной границы, было решено закрашивать фиолетовым цветом и называть Францией, а все, что находилось *вне* пунктирной границы, закрашивать по-другому (кстати, находящимся вне вышеназванного шестиугольника вовсе не хотелось закрашиваться одинаково: одна часть пространства желала быть одного цвета, другая — другого цвета, откуда и пресловутая топологическая проблема четырех красок, не разрешенная и по сей день) и называть иначе (на самом деле, долгие годы настойчиво рекомендовалось закрашивать фиолетовым цветом — а значит, и называть Францией — частицы пространства, которые не принадлежали вышеназванному шестиугольнику и часто находились от него весьма далеко; но отстоять это, в общем, так и не удалось).

Короче говоря, пространства множились, дробились и разнились. Сегодня они бывают всех видов и размеров, для любого назначения и применения. Жить как раз и означает переходить из одного пространства в другое, стараясь по возможности не ушибиться.

Или, если угодно:

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Чей-то голос (*за кадром*): На севере — ничего.
На юге — ничего.
На востоке — ничего.
На западе — ничего.
В центре — ничего.

Занавес. Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Чей-то голос (*за кадром*): На севере — ничего.
На юге — ничего.
На востоке — ничего.
На западе — ничего.
В центре — палатка.

Занавес. Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Чей-то голос (*за кадром*): На севере — ничего.
На юге — ничего.
На востоке — ничего.
На западе — ничего.
В центре — палатка.

А

перед палаткой

какой-то денщик

чистит пару сапог

ГУТАЛИНОМ «ЧЕРНЫЙ ЛЕВ»!

Занавес. Конец третьего и последнего действия.

(Автор неизвестен, запомнилось
году в 1947-м, припомнилось в 1973-м)

Или вот еще что:

*В Париже есть улица;
на улице — дом;
в доме — лестница;
на лестнице — комната,
в комнате — стол;
на столе — скатерка;
на скатерке — клетка;
в клетке — гнездо;
в гнезде — яйцо;
в яйце — птица.*

*Птица своротила яйцо;
яйцо своротило гнездо;
гнездо своротило клетку;
клетка своротила скатерку;
скатерка своротила стол;
стол своротил комнату;
комната своротила лестницу;
лестница своротила дом;
дом своротил улицу;
улица своротила город Париж.*

Поль Элюар. «Детская песенка из Де-Севр»
(«Поэзия невольная и поэзия умышленная»)

СТРАНИЦА

Я пишу, чтобы пройти себя.
Анри Мишо

1

Я пишу...

Я пишу: я пишу...
Я пишу: «Я пишу...»
Я пишу, что я пишу...
и т. д.

Я пишу: я выписываю на странице слова.

Так, буква к букве, расставляется, составляется, устанавливается, встает, остается текст:

на белой бумаге почти строго

г
о
р
и
з
о
н
т
а
л
ь
н
о

располагается строчка; про-
черчивая чистое пространство, придает ему
смысл, направление:

слева

направо

с
в
е
р
х
у

в
н
и
з

До этого не было ничего или почти ниче-
го: после этого есть кое-что: несколько зна-

ков, но их достаточно для того, чтобы были верх и низ, начало и конец, право и лево, лицевая сторона и изнанка.

2

Площадь бумажного листа (международного стандартного формата, что используется официальными учреждениями и продается во всех канцелярских магазинах) составляет 623,7 кв. см. Чтобы заполнить один квадратный метр, надо написать чуть более шестнадцати страниц. Если предположить, что средний формат книги $21 \times 29,7$ см, то, разодрав все печатные издания, хранящиеся в Национальной библиотеке и тщательно составив одну к другой все страницы, ими удалось бы полностью покрыть остров Святой Елены или озеро Тразимено.

А еще можно было бы высчитать количество гектаров леса, которые потребовалось вырубить, дабы произвести количество бумаги, необходимое для напечатания произведений Александра Дюма (отца), который, напомним, выстроил себе башню, где на каждом камне выгравировал название одной из своих книг.

3

Я пишу: обживаю бумажный лист, его занимаю, его прохожу.

Я творю *пробелы, пропуски* (отступления по ходу: разрывы, переходы, переносы).

Я пишу с новой строки. Я делаю сноску внизу страницы*.

Я беру другой лист.

4

Есть очень мало событий, не оставляющих после себя хотя бы какого-то письменного следа. Почти все, рано или поздно, проходит через бумажный лист, страницу записной книжки, страничку ежедневника или через любой другой случайный носитель (билетик метро, поля газетной страницы, пачка сигарет, обратная сторона конверта и т. д.), на который, с разной быстротой и в различной манере, в зависимости от места, времени и настроения, фиксируются те или иные детали, чье многообразие обычно и составляет саму жизнь: лично меня (но я, наверное, слишком показательный пример, поскольку одним из главных моих занятий является письмо) это затрагивает в полной мере, на-

* Я очень люблю делать сноски внизу страницы, даже если мне нечего уточнять.

чиная от записи услышанного на лету адреса и отмеченной наспех встречи, от росписи на чеке, конверте или посылке до трудоемкого составления официального письма, от дотошного заполнения формуляра (налоговая-декларация, больничный-лист, поручение-на-списание-средств-на-оплату-счетов-за-газ-и-электричество, бюллетень-подписки, контракт, договор-об-аренде, дополнение-к-соглашению, расписка-в-получении и т. д.) до списка срочных покупок (кофе, сахар, опилки для кошки, книга Бодрийера, лампочка в 75 ватт, батарейки, белье и т. д.), от решения иногда каверзного кроссворда Робера Сипьона до переписывания уже набело текста, от конспектов лекции до спонтанных набросков того, что может пригодиться (игра слов и град слов, игра букв или то, что принято называть «мыслями»), от литературной «работы» (писать, да, садиться за стол и писать, устраиваться перед пишущей машинкой и писать, писать целый день или всю ночь, составлять план, ставить заглавные *I* и строчные *a*, набрасывать, помещать одно слово рядом с другим, смотреть в словаре, выписывать, перечитывать, перечеркивать, бросать, переписывать, сортировать, находить, ждать, когда это придет, пытаться вытащить нечто, похожее на текст, из того, что всегда поначалу кажется бессодержательной пачкотней, добиваться, не добиваться, улыбаться (иногда) и т. д.) до просто работы

(элементарной, алиментарной): отмечать галочками — в журнале, допускающем в сферу наук о жизни (life sciences) почти все остальные пусть даже кратко изложенные науки, — названия, способные заинтересовать ученых работников, для которых я уполномочен собирать библиографические сведения, составлять картотеку, выискивать ссылки, вычитывать редактуру и т. д.

И так далее.

5

Пространство так и начинается, со слов, со знаков, прочерченных на белой странице. Описать пространство: его назвать, вычертить, подобно тем изготовителям портуланов, что исписывали побережья названиями портов, названиями мысов, названиями гашишей до тех пор, пока земля не оказывалась в итоге отделенной от моря лишь непрерывной текстовой каймой. Алеф, борхесианское место, в котором весь мир виден одновременно, возможно, это не что иное, как алфавит?

Пространство-перечень, пространство-мечта: пространство начинается с той искусственно смоделированной карты, которая в старых изданиях иллюстрированного Малого Ларусса представляла на 60 кв. см не менее 65-ти чудным образом собранных, совершенно абстрактных географических тер-

минов: вот пустыня и ее оазис, вади и шотт, вот источник и ручей, поток, речушка, канал, приток, река, лиман, устье и дельта, вот море и его острова, архипелаг, островки, рифы, подводные скалы, волнорезы, береговой вал, а вот пролив и перешеек, полуостров, губа, ущелье, залив, бухта, мыс, заводь, коса, острог и лука, вот лагуна и скала, вот дюны, вот пляж, пруды и болота, вот озеро, а вот горы, пик, ледник, вулкан, отрог, склон, каньон, перевал, вот равнина, плоскогорье и кособорье, и холм; вот город и его рейд, его порт и маяк...

Подобие пространства, простой повод для перечисления: и даже совсем необязательно закрывать глаза, чтобы это вызванное словами пространство — всего лишь пространство словаря, пространство бумаги — ожило, заселилось, заполнилось: вытягиваемый паровозом длинный товарный состав проходит по виадуку; груженные гравием баржи бороздят каналы; маленькие парусные лодки плавают по озеру; в сопровождении буксиров большой трансатлантический лайнер становится на рейд; дети играют в мяч на пляже; араб в широкой соломенной шляпе трясется на своем ослике по тенистым аллеям оазиса...

Улицы города заполнены автомобилями. В одном из окон домохозяйка, закутав голо-

ну тюрбаном, выбивает пыль из ковра. В пригородных сквериках десятки садовников подрезают фруктовые деревья. Военный отряд стоит в почетном карауле, пока офицер, препоясанный трехцветной лентой, проводит инаугурацию генеральской статуи.

Коровы на лугах, виноградари в виноградниках, лесорубы в лесах, связки альпинистов в горах. Почтальон, с трудом катящийся на велосипеде по узкой извилистой дороге. Прачки на берегу реки, дорожные рабочие на обочине дорог, фермерши, задающие корм курам. Дети, выходящие парами или школьный двор. Одинокaя вилла в стиле fin-de-siècle среди огромных стеклобетонных стросний. Маленькие миткалевые занавески на окнах, посетители на террасах кафе, греющаяся на солнце кошка, увешанная пакетами дама, которая ловит такси, часовой на посту перед официальным учреждением. Мусорщики, заполняющие мусороуборочные машины, монтажники, устанавливающие леса для окраски фасадов. Няни в скверах, букинисты вдоль набережных; очередь перед булочной, господин, выгуливающий собаку, другой господин, сидящий на скамейке и читающий газету, третий господин, наблюдающий за тем, как рабочие сносят целый квартал. Полицейский, регулирующий движение. Птицы на деревьях, лодочники на реке, рыбаки на берегу. Галантерейщица,

поднимающая железный занавес своей лавки. Торговцы каштанами, сантехники, продавцы газет. Покупатели на рынке.

Прилежные читатели читают в библиотеках. Преподаватели проводят занятия. Студенты ведут конспекты. Бухгалтеры выстраивают столбики цифр. Ученики кондитеров начиняют масляным кремом ряды булочек. Пианисты разучивают гаммы. Сидя за столами, задумчивые и сосредоточенные писатели выписывают строчки слов.

Нравоучительная картинка. Надежное пространство.

ПОСТЕЛЬ

Давно уже я привык укладываться в письме.

Парсель Мруст

1

Как правило, страницу используют вдоль ее наибольшей стороны. То же самое — с постелью. Постель (или, если угодно, страница) — это прямоугольное пространство, скорее длинное, чем широкое, в которое или на которое обычно укладываются вдоль. Кровати в «итальянском стиле» встречаются лишь в волшебных сказках (например, Мальчик-с-пальчик и его братья, семь дочек Людоеда) или в совершенно непривычных и обычно суровых условиях (исход, последствия бомбежки и т. д.). Даже когда кровать используется самым обыкновенным образом, вдоль, но спать в ней вынуждены несколько человек одновременно, то это почти всегда признак какого-то бедствия: кровать — это приспособ-

собление, задуманное для ночного отдыха одного или двух, но не более, человек.

Итак, постель — это идеальное индивидуальное пространство, простейшее пространство для тела (постели-монады), которое вправе сохранить за собой даже человек, обремененный долгами: приставы не наделены полномочиями конфисковывать *вашу* кровать; это также означает — и легко подтверждается на практике, — что у нас есть только одна кровать, которая является *нашей*; если в доме или квартире есть другие кровати, то они считаются гостевыми или дополнительными. И, вроде бы, хорошо спится лишь в своей постели.

2

Постель = стапель.

Мишель Лейрис

«Двадцать лет спустя», «Таинственный остров» и «Джерри-островитянина» я прочел, лежа на животе, на своей кровати. Кровать становилась хижинкой трапперов, спасательной шлюпкой в бурном океане, баобабом, охваченным пожаром, палаткой в пустыне, ложбинкой, в нескольких сантиметрах от которой враги проходили несолоно хлебавши.

На своей кровати я много путешествовал. Чтобы выжить, я брал с собой сахар, кото-

рый таскал из кухни, и прятал его под подушкой (от песка все чесалось...). Страх — даже ужас — не оставлял меня, несмотря на защиту простыней и одеял.

Кровать: место смутной опасности, место противоречий, пространство одинокого тела, обремененного эфемерными гаремами, ограниченное пространство желания, невозможное место укоренения, пространство мечты и Эдиповой ностальгии:

Кровать

Блажен, кто может спать, от всех сует вдали,
В почтенной, вековой, прадедовой кровати,
Где предки родились и мирно отошли!¹

Жозе Мария де Эредиа. Трофеи

3

И люблю свою кровать. Она у меня чуть больше двух лет. Раньше она принадлежала одной из моих знакомых; она переехала в такую крохотную квартирку, что ее крошечка — совершенно стандартных размеров — едва умещалась в предусмотренной спальне, и она поменяла ее на ту, которая была у меня и которая оказалась чуть уже.

(Когда-нибудь помимо прочих историй я напишу — смотри следующую главу — историю своих кроватей.)

Я люблю свою кровать. Люблю валяться в кровати и, не отрываясь, смотреть на потолок. Я бы охотно посвятил ему бóльшую часть своего времени (и, главным образом, утро), если бы занятия, считающиеся более насущными (устанешь перечислять), так часто мне не мешали. Я люблю потолки, люблю лепнину и розетки: они часто меня вдохновляют, а переплетение гипсовых фиоритур легко отсылает меня к другим лабиринтам, сплетаемым фантазиями, идеями и словами. Но о потолках уже никто не задумывается. Их делают безнадежно прямоугольными или, чего хуже, оснащают так называемыми декоративными балками.

Прикроватным столиком мне долгое время служила широкая доска. За исключением твердой пищи (когда я остаюсь в кровати, то обычно есть не хочу) там находилось все, что мне требовалось, как необходимое, так и бесполезное: бутылка минеральной воды, стакан, пара маникюрных ножниц (к сожалению, зазубренных), сборник кроссвордов уже процитированного Робера Сипьона (пользуясь случаем, я хотел бы его немного поправить: в 43-й решетке указанного и в остальном безупречного сборника он — тихонечко — написал «néanmoins»² с двумя «т», что, разумеется, разрушало соответствующую горизонталь (нельзя же писать «assompoir»³) и серьезно затрудняло решение зада-

чи), пакетик бумажных носовых платков, щетка с жесткой щетиной, которая позволяла придавать шерсти моего кота (впрочем, это была кошка) блеск, вызывавший всеобщее восхищение, телефон, благодаря которому я мог не только сообщать друзьям о состоянии своего здоровья, но и отвечать бесчисленным незнакомым, что они попали не в компанию «Мишлен», полностью транзисторный радиоприемник, передающий в течение всего дня, если моей душе угодно, музыку различных жанров с перерывами на последние известия, долдонящие о дорожных пробках, несколько десятков книг (одни я собирался прочесть, но не читал, другие перечитывал постоянно), альбомы комиксов, стопки газет, все аксессуары курильщика, всевозможные записные книжки, блокноты, тетради и вырванные листки, будильник (разумеется), один тюбик с алка-зельцером (пустой), другой — с аспирином (наполовину полный или, если угодно, наполовину пустой), третий — с антигрипином «Секинил» (едва початый), лампа (конечно), уйма рекламных проспектов, которые я все никак не удосуживался выбросить, письма, шариковые ручки, фломастеры (и те и другие часто исписанные...), карандаши, точилка, резинка (три последние принадлежности предназначены как раз для решения вышеназванных кроссвордов), камешек, подобранный на пляже в Дьеппе, несколько дру-

гих мелких сувениров и почтовый календарь.

4

Еще несколько банальностей:

Третью своей жизни мы проводим в постели. Кровать — одно из редких мест, где мы находимся в более или менее горизонтальном положении. Прочие места имеют специфическое назначение: операционный стол, лавка сауны, шезлонг, пляж, кушетка психоаналитика...

Техники сна: мнение, согласно которому лежащее положение естественно, совершенно ошибочно (Марсель Мосс о телесной технике, в работе «Социология и антропология», с. 378; здесь можно было бы процитировать весь, увы, недостаточно развернутый параграф).

См. также: ФЛЮССЕР В. «О постели» в журнале «Общее дело», 2, № 5, 21–27 (1973).

А гамак? А циновка? А нары? А кровати-шкафы? А глубокие, как могилы, диваны? А лежанки? А кушетки спальных вагонов? А походные койки? А спальные мешки, разложенные на надувных матрацах, положенных в свою очередь на пол, застеленный ковровым покрытием?

КОМНАТА

1

Фрагменты текущей работы

У меня исключительная и даже, думаю, необыкновенная память на все места, где я спал, за исключением тех, из раннего детства — до окончания войны, — которые смешиваются в сплошную серую безликость школьного дортуара. Что касается прочих воспоминаний, то, когда я лежу, мне стоит лишь закрыть глаза и задуматься о каком-либо определенном месте, как чуть ли не мгновенно припоминаются все детали комнаты, расположение дверей и окон, расстановка мебели, и с еще большей точностью возникает почти физическое ощущение того, что я опять лежу в той комнате.

Например:

РОК (Корнуолл),
лето 1954 года

Когда открываешь дверь, кровать оказывается почти сразу же слева. Это очень узкая кровать, да и сама комната очень узкая (плюс-минус несколько сантиметров ширина кровати и ширина двери, то есть не более полутора метров) и не намного больше в длину, чем в ширину. В продолжение кровати — маленький шкаф с вешалкой. В глубине — окно с подъемной рамой типа гильотины. Справа — туалетный столик с мраморной столешницей, раковина и кувшин с водой, которым я, кажется, не очень часто пользовался.

Я почти уверен, что слева на стене, над кроватью, в рамке висела репродукция, причем не первая попавшаяся хромолитография, а возможно, даже Ренуар или Сислей.

На полу лежал линолеум. Не было ни стола, ни кресла, но, может быть, у стены слева — стул: на него я бросал одежду перед тем, как лечь в постель, и не думаю, что я на нем сидел; в эту комнату я приходил спать. Она располагалась на четвертом, последнем этаже дома, и, возвращаясь поздно, я поднимался по лестнице очень тихо, чтобы не разбудить хозяйку и ее семью.

Я был на каникулах, я только что сдал выпускные школьные экзамены; в принци-

не, мне полагалось жить в пансионе, принимавшем французских лицеистов, которые по желанию родителей должны были совершенствовать свои познания в английском языке. Но поскольку в пансионе не оказалось свободных мест, меня поселили в семье.

Каждое утро хозяйка открывала дверь в мою комнату и ставила у ножки кровати чашку с дымящимся *morning tea*, который я неизменно пил уже остывшим. Я вставал слишком поздно и лишь один-два раза сумел застать сытный *breakfast*, который подавался в пансионе.

Мы наверняка помним, что именно тем летом, впервые за несколько десятилетий, в результате Женевских соглашений и переговоров с Тунисом и Марокко на всей планете воцарился мир: это продолжалось всего несколько дней и, как мне кажется, с тех пор больше не повторялось.

Воспоминания цепляются за узость той кровати, за узость той комнаты, за стойкую остроту того слишком крепкого и холодного чая: в то лето я пил *pink*, джин, приправленный каплей экстракта из коры ангостуры, и флиртовал, скорее безуспешно, с дочерью недавно вернувшегося из Александрии пряильщика, я решил стать писателем, на деревенской фисгармонии я рьяно наигрывал единственную мелодию, которую сумел ра-
лучить за всю свою жизнь: первые пятьдесят

четыре ноты — одной правой рукой, поскольку левая чаще всего отказывалась подыгрывать — прелюдии Иоганна-Себастьяна Баха...

Воссозданного пространства комнаты достаточно для того, чтобы освежить, оживить, одушевить самые мимолетные воспоминания — и наименее значимые, и наиболее важные. Знакомое ощущение своего тела в кровати, привычное расположение кровати в комнате будоражат мою память, придают ей остроту и точность, которыми она в другое время почти никогда не обладает. Как принесенное из сна и едва написанное слово полностью воссоздает воспоминание об этом сне, так и тут одно лишь знание (почти не нуждающееся в поисках, стоит только лечь на несколько мгновений и закрыть глаза) того, что справа от меня была стена, слева, рядом, — дверь (подняв руку, я мог коснуться ручки), напротив — окно, выявляет мгновенно и беспорядочно целый поток деталей, живость которых приводит меня в изумление: девушка с кукольными манерами, чрезмерно высокий англичанин с чуть кривым носом (я встретился с ним еще раз в Лондоне, когда поехал туда в конце наших якобы лингвистических каникул: он повел меня в заросший зеленью паб, который, к сожалению, мне не удалось впоследствии найти, и на променадный концерт в Альберт-холл,

где я с большой гордостью слушал, возможно, под управлением сэра Джона Барбиролли, концерт для гармоники и оркестра, специально написанный для Лари Адлера...), маршмеллоу, Rock rock (сахарная карамель, фирменная сладость водных курортов; самая известная марка «Brighton Rock», кроме игры слов — в Брайтоне, как и в Этрета, действительно есть скалы — дала название роману Грэма Грина; от этой карамели никуда не деться и в самом Роке), серый пляж, холодное море, поля, размеченные живыми иголочками, старые каменные мосты, пейзажи, благоприятные для появления эльфов или блуждающих огоньков...

И все это, наверное, потому, что пространство комнаты выполняет для меня ту же функцию, что и печенье «мадлен» у Пруста, к которому, разумеется, и обращен весь этот проект: это всего лишь развитие темы параграфов 6-го и 7-го первой главы первой части («Комбре») первого тома («По направлению к Свану») романа «В поисках утраченного времени», которым я занимаюсь уже несколько лет, перечисляя как можно полнее и точнее все «Места, где я спал». Я до сих пор не могу приступить к описанию, но, кажется, смог составить весь список: их набралось сотни две (к ним добавляется не больше пяти-шести в год: со временем я становлюсь домоседом). Я пока еще не решил, как их сор-

тировать. Уж точно не в хронологическом порядке. И наверняка не в алфавитном (хотя это единственный порядок, правильность которого не требует доказательств). Может быть, согласно их географическому положению, что подчеркнуло бы «путеводный» характер произведения. Или же, скорее, ориентируясь тематически, из чего могла бы получиться своеобразная типология спальных комнат:

1. *Мои* комнаты
2. Дортуары и общие спальни
3. Комнаты дружелюбные
4. Комнаты друзей и любимых
5. Импровизированные постели (диван, палас + валики, ковер, шезлонг и т. п.)
6. Деревенские дома
7. Съёмные загородные дома
8. Гостиничные номера:
 - а) гостиницы захудалые, с отделкой, меблированные,
 - б) роскошные отели
9. Непривычные условия: ночи в поездах, в самолетах, в машинах; ночи на кораблях; ночи на дежурствах; ночи в полицейском участке; ночи в палатках; ночи в больницах; ночи на улице и т. д.

В некоторых из этих комнат я провел месяцы, годы; в большинстве же — всего несколько дней или часов; быть может, с моей

стороны самонадеянно заявлять, что я сумею вспомнить о каждой: какой узор был на обоях номера гостиницы «Золотой лев» в Сен-Шели-д'Апше (название главного города одного из кантонов в Лозере — еще более удивительное на слух, чем на бумаге — поразило мое воображение непонятно почему лет в четырнадцать, и я настаивал, чтобы мы остановились именно там)? Но, разумеется, надежду на самые большие откровения сулят мне на воспоминания именно об этих афемерных комнатах.

2

Задача

Если в какой-то определенной комнате изменяется местоположение кровати, можно ли сказать, что мы поменяли комнату, или нет?

(См. топо-анализ)

3

Жить в какой-то комнате: что это значит? Жить в каком-то месте: значит ли это его осваивать? Что значит: осваивать место? Начиная с какого момента место становится по настоящему своим? Когда замачиваешь три пары носков в розовом пластмассовом тазу? Когда разогреваешь спагетти на газо-

вой плитке? Когда используешь все разномастные вешалки-плечики в платяном шкафу? Когда к стене кнопками прикалываешь старую почтовую открытку с репродукцией «Сна святой Урсуль» Карпаччо? Когда переживаешь там муки ожидания, порывы страсти или приступы зубной боли? Когда на окна вешаешь выбранные на свой вкус шторы, наклеиваешь обои и циклюешь паркет?

4

Задумчивая заметка № 1

Любой кошатник резонно заметит, что кошки обживают в домах намного лучше людей. Даже в самых чудовищных по своей квадратуре пространствах они умудряются найти уютный уголок.

Задумчивая заметка № 2

Проходит время (моя История), и остаются, накапливаясь, следы: фотографии, рисунки, давно высохшие фломастеры, папки, многократная и одноразовая стеклотара, пачки от сигарет, коробки, резинки, почтовые открытки, книги, пыль и безделушки — все то, что я называю своим богатством.

КВАРТИРА

1

В течение двух лет моей соседкой была очень старая женщина. Она жила в доме уже лет семьдесят и вдовствовала лет шестьдесят. В последние годы своей жизни, после перелома шейки бедра, дальше лестничной площадки она не выходила. В магазин для нее ходили консьержка или один молодой человек, живший по соседству. Не раз она останавливала меня на лестнице, чтобы узнать, какой сегодня день недели. Однажды я пошел купить ей ветчины. Она угостила меня яблоком и пригласила зайти. Она жила в окружении очень темной мебели, которую все время протирала.

2

Несколько лет назад у одного моего друга возникла идея прожить целый месяц в меж-

дународном аэропорту, ни разу оттуда не выходя (перелет в другой международный аэропорт не принимался в расчет, поскольку все международные аэропорты одинаковы по определению). Насколько мне известно, свой проект он так и не реализовал, но не очень понятно, что объективно могло ему практически помешать: основная часть физиологической и бóльшая часть социальной жизнедеятельности могут легко осуществляться на территории международного аэропорта; там есть глубокие кресла и не такие уж неудобные банкетки, а часто даже зоны отдыха, где транзитные пассажиры могут прикорнуть; там есть туалеты, душевые, нередко сауны и турецкие бани; там есть парикмахерские и педикюрные салоны, медицинские пункты, массажные и кинезитерапевтические кабинеты, срочные прачечные и обувные мастерские, где с удовольствием починят каблук и изготовят копию ключей; там есть часовщики и оптики, рестораны, бары и кафетерии, магазины кожгалантерейные и косметические, цветочные и книжные, музыкальные и канцелярские, лавки табачные и кондитерские, фотоателье; там есть продуктовые универсамы и кинотеатры, почтовые отделения, секретарские агентства и, разумеется, целая куча банков (ибо в наши дни практически невозможно жить, не имея дела с каким-нибудь банком).

Интерес подобного мероприятия заключался бы прежде всего в экзотичности: перемещение, более кажущееся, чем реальное, привычки и ритмы, мелкие неудобства адаптации. И, конечно же, все это довольно быстро наскучило бы; ведь все было бы слишком легко, а значит, не очень весо́мо. С этой точки зрения аэропорт не что иное, как своего рода галерея магазинов, некое подобие квартала; за редкими исключениями он предлагает те же услуги, что и гостиница. А значит, о подобном мероприятии не удалось бы сделать никаких практических заключений, ни в смысле его провокационности, ни в смысле возможностей адаптации. В лучшем случае, оно пригоди́лось бы как тема для репортажа или как отправка́ идея для которого уже по счету комического сценария.

3

Спальня — это помещение, в котором есть кровать; столовая — это помещение, в котором есть стол и стулья, а зачастую и буфет; гостиная — это помещение, в котором есть кресла и диван; кухня — это помещение, в котором есть кухонная плита и доступ к водопроводу; ванная — это помещение, в котором есть подводка воды над ванной; когда есть только душ, эту комнату называют душевой; когда есть только раковина, ее назы-

вают туалетной; прихожая — это помещение, где как минимум одна из дверей является входной; в качестве дополнения в ней может быть вешалка; детская — это помещение, которое отдают ребенку; чулан — это помещение, которое отводят под швабры и пылесос; комната для прислуги — это помещение, которое сдают студентам.

Из этого легко дополняемого перечисления можно сделать два простых вывода, которые я предлагаю рассматривать в качестве определений.

1. Любая квартира состоит из варьируемого, но определенного количества помещений;
2. Каждое помещение имеет особое назначение.

Пожалуй, трудно, или даже смешно, ставить под сомнение эти очевидности. Квартиры строятся архитекторами, которые в точности представляют себе, какими должны быть прихожая, гостиная (*living-room*, общая комната для приема гостей), спальня, детская, комната для прислуги, коридорная, кухня и ванная. Однако изначально все помещения более или менее схожи, и не стоит даже пытаться поразить нас всякими модульными жилыми блоками и прочей чушью: это всего лишь какие-то кубы, скажем, прямо-

угольные параллелепипеды; каждый имеет как минимум одну дверь и, по-прежнему, зачастую одно окно; каждый обогревается, скажем, радиатором, и оснащен электрическими розетками, за редкими исключениями, не больше одной-двух (если я начну говорить о мелочности застройщиков, то никогда не закончу). В общем, комната — это скорее податливое пространство.

Я не знаю, не хочу знать, где начинается и где заканчивается функциональность. Но в любом случае, как мне кажется, в образцовой раскладке сегодняшних квартир функциональность функционирует согласно однозначной, запрограммированной и ежесуточной процедуре*: ежедневные действия соответствуют временным отрезкам, а каждый временной отрезок соответствует одному из помещений квартиры. Вот одна из моделей, чья карикатурность почти не замечается:

07.00	Мать встает и идет готовить завтрак	КУХНЯ
07.15	Ребенок встает и идет умываться	ВАННАЯ
07.30	Отец встает и идет умываться	ВАННАЯ
07.45	Отец и ребенок завтракают	КУХНЯ

* Вот она, самая красивая фраза в этой книге!

08.00	Ребенок надевает пальто и идет в школу	ПРИХОЖАЯ
08.15	Отец надевает пальто и идет на работу	ПРИХОЖАЯ
08.30	Мать приводит себя в порядок	ВАННАЯ
08.45	Мать берет пылесос и делает уборку (она проходит через все помещения квартиры, но перечислять их я не буду)	ЧУЛАН
09.30	Мать берет хозяйственную сумку, надевает пальто и идет на рынок	КУХНЯ ПРИХОЖАЯ
10.30	Мать возвращается с рынка и снимает пальто	ПРИХОЖАЯ
10.45	Мать готовит обед	КУХНЯ
12.15	Отец возвращается с работы и снимает пальто	ПРИХОЖАЯ
12.30	Отец и мать обедают (ребенок обедает в школьной столовой)	СТОЛОВАЯ
13.15	Отец надевает пальто и опять уходит на работу	ПРИХОЖАЯ
13.30	Мать моет посуду	КУХНЯ

14.00	Мать надевает пальто и идет прогуляться или за покупками перед тем, как забрать ребенка из школы	ПРИХОЖАЯ
16.15	Мать и ребенок возвращаются и снимают пальто	ПРИХОЖАЯ
16.30	Ребенок полдничает	КУХНЯ
16.45	Ребенок идет делать уроки	ДЕТСКАЯ
18.30	Мать готовит ужин	КУХНЯ
18.45	Отец возвращается с работы и снимает пальто	ПРИХОЖАЯ
18.50	Отец идет мыть руки	ВАННАЯ
19.00	Вся семейка ужинает	СТОЛОВАЯ
20.00	Ребенок идет чистить зубы	ВАННАЯ
20.15	Ребенок идет спать	ДЕТСКАЯ
20.30	Отец и мать идут отдыхать: они смотрят телевизор, или слушают радио, или играют в карты, или же отец читает газету, в то время как мать занимается шитьем, — короче, бездельничают	ГОСТИНАЯ

21.45	Отец и мать идут чистить зубы	ВАННАЯ
22.00	Отец и мать идут спать	СПАЛЬНЯ

В этой модели, не сомневаясь в ее базовой правильности, хотел бы все же подчеркнуть ее фиктивность и одновременно проблематичность (разумеется, никто не живет точно так, однако именно так, а не иначе представляют себе нашу жизнь и предлагают нам жить архитекторы и урбанисты). Итак, в этой модели можно заметить, с одной стороны, что гостиная и спальня не более значимы, чем чулан (в чулан помещают пылесос, в спальню — изможденные тела: это отсылает нас к тем же функциям восстановления и уборки), а с другой стороны, моя модель практически не изменится, если вместо рассмотренных здесь пространств, разделенных перегородками и отведенных под спальню, гостиную, столовую, кухню и т. д., мы спланируем, как сейчас нередко практикуется, якобы единое и псевдомодулируемое пространство (холл, салон и т. д.): тогда у нас была бы не кухня, а кухонная зона, не спальня, а зона отдыха, не столовая, а зона питания.

Легко вообразить квартиру, планировка которой основывалась бы не на принципах, связанных с ежедневной деятельностью, а на функциях отношений: именно так, впро-

чем, и происходило образцовое распределение «приемных покоев» в особняках XVIII века или в больших буржуазных квартирах эпохи fin-de-siècle: просторный вестибюль, задающий анфиладную последовательность гостиных, особенность которых обусловлена минимальными вариациями вокруг такого понятия, как «прием»: большой салон, малый салон, кабинет мсье, будуар мадам, курительная, библиотека, бильярдная и т. д.

Несколько больше воображения потребуется для того, чтобы представить себе квартиру, планировка которой строилась бы на чувствительных ощущениях: нетрудно представить, какими могли бы быть «вкусовая» или «слуховая» комнаты, но не очень понятно, на что походили бы «зрительная», «нюхательная» или «осязательная»...

Заходя чуть дальше, можно подумать о делении, которое определялось бы не круглосуточными, а недельными ритмами*: так,

* Проживание, основанное на круглогодичном ритме, практикуют *harry few*, которые располагают достаточным количеством резиденций для того, чтобы попытаться совместить представление о ценностях, страсть к путешествиям, климатические предпочтения и культурные запросы. Допустим, январь они будут проводить в Мексике, февраль — в Швейцарии, март — в Венеции, апрель — в Марракеше, май — в Париже, июнь — на Кипре, июль — в Байройте, август — в Дордони, сентябрь — в Шотландии, октябрь — в Риме, ноябрь — на Лазурном берегу и декабрь — в Лондоне...

у нас были бы квартиры из семи комнат, соответственно называемых «понеделничная», «вторничная», «средовая», «четверговая», «пятничная», «субботняя», «воскресная». Следует отметить, что два последних помещения уже существуют и активно продвигаются на рынке под названиями «загородный дом» или «дача для уик-эндов». Вообразить помещение, которое сохранялось бы исключительно за понеделником, не намного глупее, чем строить виллы, которые *служат* всего лишь шестьдесят дней в году. «Понеделничная» могла бы запросто быть прачечной (наши деревенские предки стирали по понеделникам), а «вторничная» — гостиной (наши городские предки охотно принимали гостей по вторникам). Разумеется, это не избавило бы нас от функциональности. А раз так, то уж лучше придумать тематическую планировку, по аналогии с той, что существовала в борделях (после закрытия и вплоть до 1950-х годов в них устраивали студенческие общежития; многие мои друзья жили в бывшем «заведении» на улице де л'Аркад: один жил в «комнате пыток», другой — в «самолете» (кровать в форме кабины, декоративные иллюминаторы и т. п.), третий — в «хижине траппера» (стены, обклеенные декоративными полешками и т. п.); подобные факты заслуживают того, чтобы о них напомнили, в частности, автору статьи «Обитать в необычном» («Общее дело», 1, № 2, 13–16, 1972), а также уважае-

тому ведущему серии, в которой выходит эта работа). Так, например, «понеделничная» имитирует корабль: мы спим в гамаках, надраиваем паркет, поливая его водой, и едим рыбу; «вторничная», почему бы и нет, чтит одну из великих побед человека над природой — открытие полюса (северного или южного, на выбор) или восхождение на Эверест: в помещении нет отопления, мы спим на толстых шкурах, а питаемся вяленой олениной (по праздникам — говядиной копченой, под конец месяца — консервированной); «средовая» естественно прославляет детей: с недавнего времени в этот день они не ходят в школу; комната может быть эдаким дворцом Дамы Тартинки: стены из пряников, а мебель из пластилина и т. д. и т. п.

4

(1) бесполезном пространстве

Я уже неоднократно пытался думать о квартире, в которой имелось бы бесполезное помещение, специально и абсолютно бесполезное. Не чулан, не дополнительная комната, не коридор, не кладовка, не закуток. Это было бы пространство без назначения. Оно бы не использовалось ни для чего, оно бы не отсылало ни к чему.

Несмотря на все усилия, я так и не сумел проследить до конца за этой мыслью, за этим

образом. Даже сам язык, как мне кажется, оказался неспособным описать это ничто, эту пустоту, как если бы можно было говорить лишь о чем-то наполненном, используемом и функциональном.

Пространство без назначения. Причем не пространство «без определенного назначения», а определенное пространство без назначения: не многофункциональное (таким может быть любое), а именно антифункциональное. Разумеется, это пространство не предназначалось бы исключительно для того, чтобы «освободить» другие (шкаф, гардероб, кладовка, подсобка и т. д.), но, повторяю, такое пространство, которое не использовалось бы ни для чего.

Порой мне удается не думать ни о чем и — в отличие от дружка Пьеро — даже не думать при этом о смерти Людовика XVI: я вдруг осознаю, что я здесь, поезд остановился, и за какие-то девяносто секунд я проехал от станции Дюгомье до станции Домениль. Зато мне так и не удалось обдумать это самое ничто. Как обдумывать ничто? Как обдумывать ничто, причем так, чтобы это ничто автоматически не обкладывалось чем-нибудь, отчего оно сразу становится отверстием, в которое мы спешим вложить нечто: практическое действие, функцию, предназначение, точку зрения, необходимость, недостаток, избыток?

Я постарался покорно проследить за этой вялой мыслью. Я обнаружил множество пространств неиспользуемых и множество пространств неиспользованных. Но меня не интересовало неиспользуемое и неиспользованное, мне требовалось бесполезное. Как отметить функции, отметить ритмы, привычки, как изгонять необходимое? Я воображал, что живу в огромной квартире, такой огромной, что даже не могу вспомнить, сколько в ней комнат (когда-то я это знал, но потом забыл, и теперь понимал, что сейчас я уже слишком стар, чтобы вновь приниматься за столь сложные расчеты). Все комнаты, кроме одной, использовались для чего-то, и надо было найти эту одну, последнюю. В общем, это казалось мне не намного сложнее, чем найти в «Вавилонской библиотеке» ту самую книгу, которая дает ключ ко всем остальным. И было действительно что-то голопокружительно борхесовское в попытке вообразить, что одна зала предназначена для прослушивания симфонии № 48 до мажор Йозефа Гайдна под названием «Мария Терезия», другая посвящена рассматриванию бирометра или подстриганию ногтя на большом пальце правой ноги...

И думал о старом князе Болконском, который, переживая за сына, всю ночь бродит по комнатам со свечой в руках, в сопровождении слуги Тихона, несущего одеяла, и

тщетно выискивает место, где наконец-то смог бы обрести сон. Я думал об одном научно-фантастическом романе, в котором исчезло само понятие жилья; я думал о рассказе Борхеса («Бессмертный»), где люди, уже лишенные необходимости жить и умирать, воздвигли из обломков непригодные дворцы и лестницы; я думал о гравюрах Эшера и картинах Магритта; я думал о гигантском скиннеровском ящике: совершенно черной комнате с единственной кнопкой на одной из стен — при нажатии на кнопку появляется и какое-то время светится что-то вроде серого мальтийского креста на белом фоне; я думал о великих Пирамидах и церковных интерьерах Санредама; я думал о чем-то японском; я думал о расплывчатом воспоминании, сохранившемся от текста Хайсенбюттеля, в котором рассказчик обнаруживает комнату без окон и дверей; я думал о своих снах на ту же тему и вспоминал, как в собственной квартире обнаруживал неизвестную комнату...

Я так и не добился ничего, что бы меня по-настоящему удовлетворило. Но, думаю, все это время я потратил не зря, пытаюсь пересечь невозможный предел: за предпринятыми усилиями, как мне кажется, просматривается что-то, что могло бы быть статусом обитаемости...

Переезжать

Покидать квартиру. Выбывать. Выметаться.
Освобождать место. Очищать помещение.

Переписывать складывать распределять
сортировать

Избавляться выкидывать сбегивать

Разбивать

Сжигать

Снимать отбивать отрывать отклеивать
отвинчивать отцеплять

Отключать отделять отрезать отдирать
разбирать сгибать вырубать

Скатывать

Запаковывать заворачивать затягивать
завязывать складывать собирать сваливать
скреплять обертывать прикрывать накрыв-
ать сворачивать сжимать

Забирать вытаскивать выносить

Подметать

Закрывать

Уезжать

Въезжать

убирать проверять пробовать менять устра-
ивать подписывать ждать представлять
придумывать вкладывать решать сгибать
складывать склонять зачехлять оснащать
раскалывать крутить выворачивать бить

ворчать давить жать наводить защищать
накрывать портить вырывать отрезать
вставлять прятать включать приводить в
действие устанавливать мастерить проклеи-
вать разбивать связывать пропускать уми-
нать наваливать разглаживать полировать
укреплять углублять скреплять цеплять
раскладывать пилить фиксировать прика-
лывать отмечать помечать высчитывать за-
бираться размечать удерживать смотреть
вышагивать надавливать всем своим весом
штукатурить шкурить красить тереть скоб-
лить соединять забираться оступаться пе-
решагивать терять находить шарить бить
баклуши приглаживать промазывать зачи-
щать скрывать затирать подгонять ходить
туда сюда глянцевать сушить восхищаться
удивляться раздражаться дожидаться от-
кладывать оценивать прибавлять втыкать
запечатывать пригвозждать привинчивать
прикручивать пришивать приседать зале-
зть томиться в ожидании центровать доби-
раться мыть стирать прикидывать высчи-
тывать улыбаться поддерживать вычитать
умножать слоняться в ожидании набрасы-
вать покупать приобретать получать прино-
сить разворачивать распутывать окаймлять
обрамлять вставлять осматривать рассмат-
ривать мечтать прикреплять выдалбливать
протирать устраиваться углублять подни-
мать обзаводиться садиться прислоняться
выгибаться промывать прочищать допол-

нять сортировать подметать вздыхать по-
свистывать во время работы смачивать ув-
лекаться срывать вывешивать наклеивать
ругаться упрямитесь чертить шлифовать
приглаживать красить долбить подключать
включать насаживать паять склоняться вы-
дергивать точить примеряться фланировать
уменьшать поддерживать взбалтывать перед
использованием заострять ликовать отде-
лывать халтурить скрести протирать управ-
лять распылять уравнивать проверять
увлажнять осушать опорожнять измельчать
намечать объяснять пожимать плечами на-
саживать распределять ходить туда сюда
натягивать расписывать по минутам при-
ставлять придвигать подбирать белить ла-
кировать заделывать изолировать калибро-
вать прикалывать расставлять шпаклевать
вешать приниматься вновь вставлять рас-
кладывать отмывать искать входить перево-
дить дыхание

обустроиваться

обживаться

жить

ДВЕРИ

Мы защищаемся, мы баррикадируемся. Двери останавливают и отделяют.

Дверь разбивает пространство, разделяет его, препятствует единению, принуждает к разобщенности: с одной стороны, есть я и мое «у меня», личное, домашнее (пространство, перегруженное моей собственностью: моей кроватью, моим ковром, моим столом, моей пишущей машинкой, моими книгами, моими разрозненными номерами журнала «Нувэль Ревю Франсэз»...), с другой стороны, есть другие, мир, публичное, политическое. Из одного в другое невозможно перемещаться невзначай, из одного в другое не перебираются просто так, ни в ту, ни в другую сторону: нужен пароль, нужно пересечь порог, нужно выказать свою благонадежность, нужно наладить связь, как пленник связывается с внешним миром.

В фильме «Запретная планета» из треугольной формы и феноменальных размеров дверей делается вывод о некоторых мор-

фологических характеристиках некогда исчезнувших строителей: идея так же образна, как и произвольна (почему именно треугольная форма?), но если бы дверей не было вообще, то умозаключения оказались бы еще более поразительными.

Как бы это сказать точнее? Дело не в том, чтобы открывать или не открывать дверь; дело не в том, чтобы «оставить ключ в двери»; проблема не в том, есть ключи или нет: не было бы дверей — не было бы и ключей.

Разумеется, трудно представить себе дом, в котором не было бы дверей. Однажды, несколько лет назад, такой дом я видел в Лэнсинге (Мичиган, Соединенные Штаты Америки). Его построил Фрэнк Ллойд Райт. Сначала мы шли по слегка извилистой тропе, слева от которой постепенно, незаметно и даже небрежно вырастал легкий подъем, сначала пологий, затем, понемногу, все более крутой. Исподволь, как бы случайно, невзначай, — ни на миг не позволяя нам заподозрить что-то, указующее на переход, прерывание, преобразование, нарушение продолжающейся цельности, — тропа становилась каменистой; то есть сначала была лишь одна трава, потом в траве начали попадаться камни, потом камней становилось все больше, и тропа все ощутимее уподоблялась аллее, выложенной плитами и заросшей травой, а тем временем слева отвал начинал

смутно напоминать вал, а затем оформляться в низенькую стенку бутовой кладки. Затем появлялось что-то вроде решетчатой крыши, практически неотличимой от захватившей ее растительности. Но на самом деле было уже поздно задумываться, внутри мы или снаружи: в конце тропы плиты сходились вплотную, и мы оказывались на участке, обычно называемом входом и ведущем прямо в гигантское помещение, одно из продолжений которого завершалось террасой, украшенной большим бассейном. Дом был примечателен не только комфортом и роскошью, но еще и тем, что, казалось, он врастает в холм, как свернувшаяся клубком кошка вминается в подушку.

У этой истории в равной степени нравоучительный и прогнозируемый финал: штук двенадцать таких же, почти идентичных домов были разбросаны вокруг частного гольф-клуба; территория гольф-клуба была огорожена; единственные ворота сторожили охранники, вооруженные — как легко представлялось моему воображению — карабинами (в юности я видел немало американских фильмов).

ЛЕСТНИЦЫ

О лестницах мало думают.

В старых домах не было ничего красивее лестниц. В современных зданиях нет ничего более уродливого, холодного, враждебного, мелочного.

Нам следовало бы учиться жить на лестницах почаще. Но как?

СТЕНЫ

А стена — что происходит за ней?

Жан Тардьё

Я вешаю на стену картину. Затем забываю, что там стена. Я уже не знаю, что за этой стеной, я уже не осознаю, что эта стена — стена, я уже не понимаю, что такое стена. Я уже не осознаю, что в моей квартире есть стены, и что если бы не было стен, то не было бы и квартиры. Стена перестает быть тем, что ограничивает и определяет место, в котором я живу, что отделяет его от других мест, в которых живут другие; она всего лишь плоскость для картины. Но я забываю и о картине, я на нее уже не смотрю, я уже не знаю, как на нее смотреть. Я повесил на стену картину, дабы забыть, что стена существует, но, позабыв о стене, теперь я забываю и о картине. Картины существуют потому, что существуют стены. Надо уметь забывать, что существуют стены, но ничего лучше картин для этого не придумали. Картины стирают стены. Но стены убивают картины. Значит,

следовало бы постоянно менять стену или картину, то и дело вешать на стены другие картины, либо одну и ту же картину все время перевешивать.

На стенах могли бы писать (как порой пишут на фасадах домов, на строительных заборах, на тюремных куртинах), но делают это очень редко.

Д О М

1

Проект романа

Я представляю себе парижский дом, у которого снята фасадная стена, — подобно тому, как приподнимается крыша в «Хромом бесе» или изображается сцена игры в го в «Повести о Гэндзи», — таким образом, что с первого до последнего этажа все фасадные помещения видны сразу и одновременно.

Роман — под названием «Жизнь способ употребления» — ограничивается (если, конечно, этот глагол позволено употребить в связи с проектом, чей окончательный вариант будет насчитывать страниц четыреста) тем, что описывает раскрытые таким образом помещения и происходящие в них действия, причем согласно формальным установкам, в подробности которых, думаю, сей-

час нет необходимости углубляться, но уже одни определения которых представляются мне довольно увлекательными: задача «ход коня» (причем адаптированная к доске 10×10), псевдо-кенина⁴ десятого порядка, греко-латинский квадрат десятого порядка (возможность существования подобных квадратов, отрицаемая Эйлером, была доказана в 1960 году Боусом, Паркером и Шрикхендом).

Источники этого проекта многочисленны. Один из них — рисунок Саула Стейнберга, воспроизведенный в «The Art of Living» (London, Hamish Hamilton, 1952), на котором изображен дом с меблированными квартирами (понятно, что меблированными, поскольку рядом с входной дверью висит табличка с надписью «No Vacancy»), чья фасадная стена снята, что позволяет видеть интерьеры приблизительно двадцати трех комнат (я говорю «приблизительно», так как частично видны и комнаты в глубине): в одном лишь перечислении — причем вряд ли полном — предметов интерьера и изображаемых действий есть уже что-то головокружительное:

3 ваннные комнаты: на 4-м этаже — пустая; на 3-м этаже — с женщиной, принимающей ванну; на 1-м этаже — с мужчиной, принимающим душ;

3 камина разных размеров, но на одной оси. Ни один не работает (или, если угодно,

ни один не зажжен); каминны 2-го и 3-го этажа — с подставками для дров; камин 2-го этажа разделен перегородкой, которая рассекает также лепнину и розетку на потолке;

6 люстр и 1 мобиль в стиле Кальдера;

5 телефонных аппаратов;

1 пианино с табуретом;

10 взрослых лиц мужского пола, из которых:

1 что-то пьет из стакана,

1 печатает на машинке,

2 читают газету, один — сидя в кресле, другой — лежа на диване,

3 спят,

1 принимает душ,

1 ест тосты,

1 пересекает порог комнаты, в которой находится собака;

10 взрослых лиц женского пола, из которых:

1 ничем не занята,

1 сидит,

1 держит на руках ребенка,

2 читают, одна — сидя, газету, другая — лежа, роман,

1 моет посуду,

1 принимает ванну,

1 вяжет,

1 ест тосты,

1 спит;

6 детей младшего возраста, из которых две явно девочки и двое явно мальчиков;

2 собаки;

2 кошки;
1 медведь на колесиках;
1 лошадка на колесиках;
1 игрушечный поезд;
1 кукла в игрушечной коляске;
6 крыс или мышей;
немало термитов (не уверен, что это термиты; во всяком случае, насекомые, которые живут в полах и стенах);
как минимум, 38 обрамленных картин или гравюр;
1 африканская маска;
29 ламп (помимо люстр);
10 кроватей;
1 детская кроватка;
3 дивана, в том числе один, используемый как (неудобная) кровать;
4 кухни, скорее кухонные уголки;
7 комнат с паркетом;
1 ковер;
2 паласа или прикроватных коврика;
9 комнат с напольным ковровым покрытием;
3 помещения, отделанных кафельной плиткой;
1 внутренняя лестница;
8 столиков на одной ножке;
5 журнальных столиков;
5 библиотек;
1 этажерка, заставленная книгами;
2 часов с маятником;
5 комодов;
2 обеденных стола;

1 письменный стол с бюваром и чернильницей;
2 пары обуви;
1 табуретка в ванной комнате;
11 стульев;
2 кресла;
1 кожаный портфель;
1 банный пендюар;
1 вешалка в прихожей;
1 будильник;
1 весы;
1 урна с педалью;
1 шляпа, висющая на вешалке;
1 костюм, висющий на плечиках;
1 пиджак, брошенный на спинку стула
сохнувшее белье;
3 шкафчика в ванной комнате;
значительное количество бутылочек и флакончиков;
большое количество трудно определяемых предметов (например, каминные часы, пепельницы, очки, стаканы, блюда с арахисом).

Это описание охватывает лишь «бесфасадную» часть дома. На оставшейся четверти рисунка можно заметить край тротуара, усеянный мусором (старая газета, консервная банка, три конверта), переполненную урну, некогда роскошные, а ныне обветшалые ворота и пятерых персонажей в окнах: на третьем этаже, среди горшков с цветами, — старика, курящего трубку, и его соба-

ку, на четвертом — птицу в клетке, женщину и маленькую девочку.

Мне кажется, дело происходит летом. Время, должно быть, часов восемь вечера (удивительно, что детей еще не уложили спать). Телевидение еще не изобретено. Не видно и радиоприемников. Домовладелицей наверняка является дама, которая вяжет (но не на втором этаже, как мне показалось сначала, а, учитывая положение ворот, на первом; то, что я назвал первым этажом, на самом деле оказалось подвалом: в здании всего три этажа): из-за превратностей судьбы ей пришлось не только превратить свой особняк в доходный дом с меблированными комнатами, но еще и разгородить пополам две свои самые красивые комнаты.

При более внимательном разглядывании рисунка набралось бы достаточно подробностей для объемного романа: к примеру, очевидно, что в это время модны вьющиеся волосы (у трех женщин на голове бигуди); господин, который спит на своем неудобном диване, — несомненно преподаватель: это ему принадлежит кожаный портфель, а на его письменном столе лежит кipa бумаг, сильно смахивающих на домашние задания; ничем не занятая дама — мать сидящей девушки, и вполне вероятно, господин с бокалом в руке, который, облокотившись на камин, несколько озадаченно взирает на мо-

биль Кальдера, — ее будущий зять; что до ее соседа, обремененного четырьмя детьми и одной кошкой, то он, похоже, яростно терзает свою пишущую машинку, словно издатель вот уже три недели ожидает его рукопись...

2

*То, что следовало бы время от времени
делать систематически*

В доме, где мы живем:

заходить к соседям, посмотреть, что висит, допустим, на нашей общей стене; убеждаться или опровергать гомотопию жилья. Думать о том, как извлечь из этого пользу;

замечать, что некое чувство потерянности от необычности обстановки может наступать, когда мы идем по лестнице «Б» вместо лестницы «А» или поднимаемся на шестой этаж, хотя живем на третьем;

пытаться в границах одного дома представить основы коллективного существования (в одном старом доме 18-го округа я видел общий туалет на четыре семьи; домовладелец не хотел оплачивать освещение в указанном туалете, ни один из четырех съемщиков не хотел платить за

трех других и не соглашался на установку единого счетчика с единой квитанцией, оплачиваемой всеми поровну. И вот вышеуказанный туалет освещался четырьмя лампочками, каждая из которых соединялась с выключателем, находящимся в соответствующей комнате: одна единственная лампочка горела бы круглосуточно лет десять и, разумеется, стоила бы дешевле, чем установка хотя бы одной из этих частных электросетей).

В любых домах:

смотреть по сторонам;

поднимать голову;

искать имя архитектора, имя застройщика, дату постройки;

задумываться, почему так часто висит табличка «газ на всех этажах»;

если дом новый, пытаться вспомнить, что на этом месте было раньше;

и т. д.

УЛИЦА

1

Дома стоят рядом, один возле другого. Они выстроены в ряд. Предполагается, что они должны выстраиваться в ряд, а когда они выбиваются из ряда, то это расценивается как серьезное нарушение: тогда говорят, что они *не держат равнения*, а это значит, что имеется основание их снести, дабы затем поставить в ряд с другими.

Параллельный ряд двух цепочек домов определяет то, что называется улицей: улица — это пространство, ограниченное домами, обычно с двух своих длинных сторон; улица — это то, что отделяет одни дома от других, а еще то, что позволяет переходить от одного дома к другому, идя вдоль улицы либо ее переходя. К тому же улица — это то, что позволяет размечать дома. Существуют различные системы разметки; самая рас-

пространенная, в наши дни и на наших широтах, состоит в том, чтобы давать улице название, а домам — номера. Называние улиц — тема очень сложная и зачастую щекотливая, которой можно было бы посвятить не одну книгу. Что касается нумерации, то и она не так проста: во-первых, было решено давать одной стороне четные номера, другой — нечетные (но, как справедливо задумывается персонаж Рэймона Кено из романа «Пролет Икара»: «13бис — это число четное или нечетное?»); во-вторых, следуя по улице в сторону увеличения номеров, четные оказываются справа (а нечетные — слева); и, в-третьих, вышеуказанное увеличение номеров обычно (хотя известно много исключений) определяется положением данной улицы по отношению к фиксированной оси, в частности, к Сене: параллельные Сене улицы нумеруются от верховья к низовью, нумерация перпендикулярных улиц начинается от Сены (разумеется, эти пояснения касаются Парижа; можно благоразумно предположить, что аналогичные решения придумывались и для других городов).

В отличие от домов, которые почти всегда принадлежат кому-то, улицы в принципе не принадлежат никому. Они довольно справедливо поделены на зону, предназначенную для автомобильного транспорта и называемую проезжей частью, и две, разумеется,

более узкие зоны, предназначенные для пешеходов и называемые тротуарами. Некоторые улицы предназначены исключительно для пешеходов, либо постоянно, либо на время, при некоторых особенных обстоятельствах. Зоны соприкосновения проезжей части и тротуаров позволяют припарковаться автомобилистам, которые желают какое-то время не передвигаться. Поскольку количество автомобильных транспортных средств, желающих какое-то время не передвигаться, намного превышает количество свободных парковочных мест, возможность стоянки было решено ограничивать — в пределах некоторых пространств, названных «синими зонами», — лимитируя время стоянки либо, чаще всего, устанавливая за нее плату.

На улицах не часто встречаются деревья. Когда они есть, то их огораживают решетки. Зато большинство улиц оснащены специфическими устройствами, соответствующими различным услугам: так, есть фонари, которые загораются автоматически, при значительном ослаблении дневного освещения; остановки автобусов или такси; телефонные кабины, скамейки; ящики, куда горожане могли бы бросать письма и откуда почтовые служащие забирали бы их в определенное время; аппараты с часовым механизмом, предназначенные для получения платы за лимитированное время стоянки; емкости

для ненужной бумаги и прочих отходов, куда некоторые люди, проходя мимо, испытывают непреодолимое желание заглянуть; светофоры.

Есть еще знаки дорожного движения, которые указывают, например, что следует парковаться на той либо другой стороне улицы в зависимости от того, какая сейчас половина месяца (это называется «попеременная односторонняя стоянка»), или что нужно соблюдать тишину, поскольку рядом находится больница, или, наконец, самое важное, что это улица с односторонним движением: поток автомобилей стал таким интенсивным, что движение было бы просто невозможно, если бы несколько лет назад во многих городских агломерациях водителей не обязали бы двигаться лишь в каком-то одном направлении, и это, естественно, вынуждает их порой выбирать длинные объездные маршруты.

На некоторых перекрестках, считающихся особенно опасными, обычно свободный переход от тротуара к проезжей части запрещен и загорожен металлическими столбиками, соединенными цепями: иногда такие столбики устанавливаются для того, чтобы помешать транспортным средствам заезжать и парковаться на тротуарах, что те нередко бы делали, если бы им это не возбранялось. И, наконец, при некоторых обстоятельст-

вах — военные парады, проезды глав государств и т. п. — целые зоны тротуаров могут быть перекрыты составными заграждениями из легких металлических конструкций.

На некоторых участках тротуаров дугообразные понижения, называемые в просторечии «лодками», указывают на то, что во дворах зданий могут парковаться транспортные средства и следует в любое время давать им возможность выехать; на других участках маленькие квадратные фаянсовые плитки, выложенные по краю тротуара, указывают на то, что эта зона тротуара предназначена для остановки арендованных машин.

Стык проезжей части и тротуаров называется канавкой: это участок чуть-чуть наклонен, благодаря чему дождевая вода может стекать в канализационную систему, расположенную под улицей, а не растекаться по всей ширине проезжей части, что серьезно затрудняло бы автомобильное движение. Несколько веков подряд практиковалась лишь одна канавка, которая располагалась посреди проезжей части, но современная система считается более совершенной. За неимением дождевой воды поддержание чистоты проезжей части и тротуаров может осуществляться благодаря водонапорным кранам, имеющимся почти на всех уличных перекрестках и открывающимся Т-образны-

ми ключами, которыми снабжены муниципальные служащие, ответственные за уборку улиц.

В принципе всегда можно перейти с одной стороны улицы на другую, используя безопасные переходы, которые транспортные средства должны пересекать с предельной осторожностью. Эти безопасные переходы, устроенные перпендикулярно уличному движению, отмечены либо двумя параллельными рядами металлических гвоздей, головки которых имеют в диаметре приблизительно двенадцать сантиметров, отчего эти безопасные переходы называли «подкованными», либо широкими полосами белой краски, нанесенными наискось во всю ширину улицы (в этом случае переходы называются «наглядными»). Похоже, разметка «гвоздями» или «зебрами» сейчас уже не так эффективна, как раньше, и зачастую приходится ее дублировать установкой трехцветных светофоров (красный, желтый и зеленый), что при их увеличивающемся количестве в итоге создает крайне сложные проблемы синхронизации, над решением которых непрерывно работают самые большие компьютеры в мире и математики, имеющие самую блестящую репутацию.

За происходящим следят дистанционно управляемые камеры, установленные в раз-

ных местах: одна — на крыше Палаты депутатов, как раз под большим трехцветным флагом; другая — на площади Эдмон-Ростан, в сторону бульвара Сен-Мишель; а еще на площадях Алезия, Клиши, Шатле, Бастилия и т. д.

2

Однажды на улице Линне я увидел двух слепых. Они шли под руку. Оба — с длинными и очень гибкими тростями. Совсем молодой мужчина и женщина лет пятидесяти. Концом трости женщина прикасалась ко всем вертикальным препятствиям, возвышавшимся вдоль тротуара, и направляла к ним трость молодого человека, поясняя ему, очень быстро и безошибочно, о каких препятствиях шла речь: фонарь, автобусная остановка, телефонная cabina, урна, почтовый ящик, дорожный знак (разумеется, она не могла уточнить, на что именно указывал знак), светофор...

3

Практические задания

Рассматривать улицу время от времени, более или менее систематически и тщательно. Прилежно. Неторопливо.

Отмечать место: терраса кафе на перекрестке Бак-Сен-Жермен
время: семь часов вечера
дату: 15 мая 1973 года
погоду: ясно

Отмечать то, что мы видим. Все примечательное, что происходит. Умеем ли мы видеть то, что примечательно? Что именно нас поражает?

Нас ничто не поражает. Мы не умеем видеть.

Надо отмечать, неторопливо, почти бездумно. Заставлять себя описывать то, что не вызывает интереса, самое очевидное, самое заурядное, самое невыразительное.

Улица: попытаться описать улицу, из чего она складывается, для чего служит. Люди на улице. Машины. Какие машины? Дома: отмечать, что они по большей части комфортабельны, по большей части солидны; различать жилые дома и административные здания.

Магазины. Что продают в магазинах? Нет продуктовых магазинов. Ах нет, есть, вот булочная. Подумать о том, на какой рынок ходят местные жители.

Кафе. Сколько кафе? Одно, два, три, четыре. Почему мы выбираем именно это? Потому что мы его знаем, потому что оно на солнце, потому что в нем есть табачная лав-

ка. Другие магазины: антиквариат, одежда, музыкальная техника и т. д. Не говорить и не писать «и т. д.». Заставлять себя исчерпывать тему, даже если это кажется гротескным, пустым или глупым. Мы еще ничего не успели рассмотреть, мы лишь отметили то, что уже давно было замечено.

Заставлять себя видеть все одинаково ровно.

Выявлять ритм: проезды машин — машины едут потоками, потому что дальше вверх или вниз по улице они стояли перед светофорами.

Считать машины.

Смотреть на номера машин. Различать номера парижские и прочие.

Отмечать отсутствие такси, хотя, кажется, многие как раз их и дожидаются.

Читать написанное: рекламные тумбы, газетные киоски, афиши, дорожные указатели, граффити, брошенные на землю проспекты, магазинные вывески.

Красота женщин.

Мода на слишком высокие каблуки.

Расшифровывать кусочек города, вывести очевидности: например, навязчивое стремление к собственности. Описывать дей-

ствия, которые совершает водитель транспортного средства, паркуясь лишь для того, чтобы выйти и купить сто граммов мармелада:

- припарковаться, совершая некоторое количество манипуляций
- выключить зажигание
- вытащить ключ, приступив таким образом к первой стадии противоугонной защиты
- выйти из автомобиля
- поднять стекло передней левой двери
- ее закрыть
- проверить, заперта ли задняя левая дверь; если нет, то:
 - ее открыть
 - поднять внутреннюю ручку
 - хлопнуть дверью
 - проверить, действительно ли она заперта
 - обойти машину; если нужно, проверить, заперт ли на ключ багажник
- проверить, заперта ли задняя правая дверь; если нет, то повторить все манипуляции, уже произведенные над задней левой дверью
- поднять стекло передней правой двери
- закрыть переднюю правую дверь
- ее запереть
- перед тем как отойти, оглядеться вокруг, как бы желая удостовериться, что

машина все еще на месте и никто ее не заберет.

Расшифровывать кусочек города. Схему его путей: почему автобусы идут от того пункта до этого? Кто прокладывает маршруты и исходя из чего? Вспомнить, что маршрут парижского автобуса *intra muros*⁵ определяется по двузначному числу, в котором первая цифра соответствует номеру конечной остановки в центре, вторая — номеру конечной остановки на периферии. Найти примеры, найти исключения: все автобусы, чей номер начинается с цифры 2 отправляются от вокзала Сен-Лазар, с цифры 3 — от Восточного вокзала; все автобусы, чей номер заканчивается цифрой 2, прибывают, как правило, в 16-й округ или в Булонь.

(Раньше были буквы: любимый маршрут Рэймона Кено «S» стал называться номером 84; с ностальгией вспомнить об автобусах с открытой задней площадкой, о форме билетиков, о кондукторе с компостером на ремне...)

Люди на улице: откуда они идут? Куда они идут? Кто они?

Торопливые люди. Медлительные люди. Пакеты. Осмотрительные люди, захватившие плащи. Собаки: единственные животные, которые попадают на глаза. Птиц не

видно — однако известно, что они есть, — и даже не слышно. В принципе, можно было бы заметить, как кошка пролезает под машину, но этого не происходит.

В общем, не происходит ничего.

Пытаться классифицировать людей: местные и неместные. Туристов, кажется, нет. Время не то, да и место не особенно туристическое. Какие в этом районе достопримечательности? Особняк Соломона Бернара? Церковь святого Фомы Аквинского? Дом № 5 по улице Себастьяна Боттена?

Время идет. Пить свое пиво. Ждать.

Отмечать, что деревья встречаются дальше (там, на бульваре Сен-Жермен и на бульваре Распай), что нет ни кинотеатров, ни театров, что не видно никаких явных строек, что большинство домов, кажется, дали свое согласие на покраску.

Собака редкой породы (афганская или африканская борзая?).

«Ленд Ровер», который оснащен как будто для пересечения Сахары (против своей воли мы отмечаем лишь необычное, особенное, мало-мальски исключительное, а делать следует как раз наоборот).

Продолжать

до тех пор, пока место не станет невероятным,

до тех пор, пока вдруг на миг не возникнет ощущение, что мы в чужом городе, или, еще лучше, пока мы не перестанем понимать, что именно происходит или не происходит, до тех пор, пока место не станет совершенно чужим, и мы не забудем, что это называется городом, улицей, домами, тротуарами...

Вызвать потоп, сровнять с землей, заставить порости травой, заменить людей коровами, увидеть, как на пересечении улицы Бак и бульвара Сен-Жермен, возвышаясь над крышами домов метров на сто, появляются Кинг-Конг или раздутая мышь Тэкса Эвери!

Или еще: постараться как можно точнее представить себе под сетью улиц переплетение канализационных труб, разветвление туннелей метро, невидимое подземное разрастание проводов (электричество, газ, телефон, вода, пневматическая почта), без которого никакая жизнь на поверхности невозможна.

А ниже, еще ниже воссоздать эоцен: жерновой известняк, мергель и галечник, гипс, сентуанский озерный известняк, бошанские пески, грубый известняк, суасонские пески и лигниты, мягкую глину, мел.

Или же:

Черновик письма

Я думаю о тебе, часто
иногда захожу в кафе, сажусь у двери, заказываю кофе

выкладываю на столешницу из искусственного мрамора пачку сигарет, коробок спичек, блокнот, фломастер

долго мешаю ложечкой в кофейной чашке (хотя кофе я не слашу, а пью его с сахаром вприкуску, как жители района Норд, русские и поляки, когда они пьют чай)

Я делаю вид, что чем-то занят, что размышляю, словно перед принятием какого-то решения

В правом верхнем углу страницы я помечаю дату, иногда место, иногда время, я делаю вид, что пишу письмо

я пишу медленно, очень медленно, как можно медленнее, я вывожу, выписываю каждую букву, каждое ударение, я проверяю знаки пунктуации

я внимательно рассматриваю меню, цену мороженого и десерта «Тайна» из меренг с кремом, металлическую подставку, козырек, желтую шестиугольную пепельницу (на са-

мом деле это равносторонний треугольник, в скошенных углах которого сделаны полукруглые выемки для сигарет)

За окном не так уж солнечно
кафе почти пусто

два маляра у стойки пьют ром, хозяин
дремлет за кассой, официантка чистит кофеварочную машину

я думаю о тебе

ты идешь по улице, на улице зима, ты подняла воротник шубы, ты улыбаешься, ты так далеко

<...>

5

Места

(Заметки по ходу работы)

В 1969 году я выбрал двенадцать парижских мест (улицы, площади, перекрестки, переулок), в которых я жил или с которыми меня связывали особенные воспоминания.

Я решил каждый месяц описывать по два таких места. Одно описание производится в первом выбранном месте и, желательно, как можно нейтральнее: сидя в кафе или идя по улице, с блокнотом и ручкой наготове, я стараюсь описывать встречающиеся мне дома,

магазины, людей, афиши и т. д. — в общем, все подробности, привлекающие мой взгляд. Другое описание осуществляется во втором месте: там я стараюсь описать первое по памяти и воссоздать в связи с ним все воспоминания, которые оно навеивает, события, которые там происходили, или людей, которых я там встречал. По завершении я вкладываю эти описания в конверт и запечатываю воском. Неоднократно я приводил на подлежащие описанию места приятеля (приятельницу) с фотоаппаратом, который (которая) произвольно или по моим указаниям делал(а) фотографии, которые я потом, не глядя (за исключением одной), вкладывал в соответствующие конверты; бывало так, что в эти конверты я вкладывал еще и предметы, которые позднее могли служить документальным свидетельством, например, билеты метро или билеты в кино, квитанции или проспекты и т. д.

Каждый год я возобновляю эти описания, пытаюсь с помощью алгоритма, на который уже ссылался (двойной греко-латинский квадрат 12-го порядка), во-первых, описывать каждое место в разные месяцы года, во-вторых, никогда не описывать в один и тот же месяц одну и ту же пару мест.

Таким образом, этот проект, идея которого не может не напомнить принцип «мины замедленного действия», продлится двенадцать лет и закончится, когда все места будут

описаны дважды двенадцать раз. Я был слишком занят съемками фильма «Человек, который спит» (где, кстати, встречаются многие из описываемых мест) и пропустил 1973 год; следовательно, все 288 текстов, запрограммированных экспериментом, мне удастся получить (если, конечно, не будет других задержек) лишь в 1981 году. Вот тогда я и пойму, стоило ли вообще его предпринимать. На самом деле, все, что я от него ожидаю, можно назвать свидетельством тройного старения: самих мест, моих воспоминаний и моего описания.

КВАРТАЛ

1

Квартал. Что такое квартал? Ты живешь в этом квартале? Ты из этого квартала? Ты переехал в другой квартал? Ты в каком квартале?

В квартале есть что-то аморфное: это некое подобие церковного прихода или, строго говоря, четверть округа, малая часть города, приписанная к полицейскому участку.

В более общем смысле: участок города, который легко пройти пешком или, если сказать то же самое в виде прописной истины, участок города, в который нет нужды отправляться, поскольку ты в нем как раз и находишься. Это, вроде бы, само собой разумеется; однако следует уточнить: для большинства городских жителей из этого неизбежно следует то, что их квартал — это еще и район города, в котором они не работают: своим

кварталом называют место, где живут, а не то место, где работают; место работы и место обитания почти никогда не совпадают: это еще одна очевидность, но последствия ее бесчисленны.

Жизнь квартала

Это слишком громко сказано.

Конечно, есть соседи, есть местные жители, есть магазины, молочные продукты, хозяйственные товары, табачная лавка, открытая по воскресеньям, аптека, почта, кафе, в котором ты считаешься если не завсегдатаем, то, по крайней мере, постоянным клиентом (ты пожимаешь руку хозяину или официантке).

Разумеется, можно было бы культивировать эти привычки, ходить всегда к одному и тому же мяснику, оставлять пакеты у бакалейщика, завести кредит в лавке бытовой химии, звать аптекаря по имени, вверять кошку киоскерше, но, как ни старайся, это не будет жизнью и даже не смогло бы вызвать иллюзию жизни: это может сделать пространство привычным, подсказать маршрут (выйти из дома, купить вечернюю газету, пачку сигарет, пакет стирального порошка, килограмм черешни и т. д.), дать повод для нескольких вялых рукопожатий («добрый день, мадам Шамиссак», «добрый день, мсье Фернан», «добрый день, мадмуазель

Жанна»), но это всегда будет лишь слащавое приспособление к необходимости, некое приукрашивание меркантильности.

Разумеется, можно организовать уличный оркестр или устроить уличный театр. Как говорят, оживить место. Сплотить людей с одной улицы или с нескольких улиц не просто сопрячаемостью, а изъявлением общих требований или зачином совместной борьбы.

Смерть квартала

Это тоже слишком громко сказано

(впрочем, умирает еще много чего: города, деревни и т. д.).

Но особенно мне жаль местные кинотеатры с их мерзкой рекламой ближайшей химчистки.

2

Из всего вышеизложенного я могу сделать, честно говоря, не очень удовлетворительный вывод: мое представление о том, что такое квартал, очень поверхностно. Правда, за последние годы я часто переезжал, и у меня не было времени на то, чтобы освоиться.

Я мало использую возможности своего квартала. То, что некоторые из моих знакомых живут в том же квартале, что и я, — чи-

стая случайность. Основные центры моих интересов находятся скорее в стороне от места проживания. И я всегда готов куда-нибудь отсюда выбраться.

Почему бы не предпочесть рассредоточение? Вместо того, чтобы жить в единственном месте, тщетно пытаюсь там себя совместить, почему бы не иметь пять-шесть комнат, разбросанных по всему Парижу? Я бы мог спать в районе Данфер, работать на площади Вольтер, слушать музыку на площади Клиши, заниматься любовью у Потерн-де-Пеплие, есть на улице Томб-Иссуар, читать около парка Монсо и т. д. В конце концов, неужели это глупее, чем собирать всех торговцев мебелью в предместье Сент-Антуан, всех продавцов стекла на улице Паради, всех портных на улице Сантье, всех евреев на улице Розье, всех студентов в Латинском квартале, всех издателей вокруг церкви Сен-Сюльпис, всех врачей на Харли-Стрит, всех негров в Гарлеме?

ГОРОД

1

Крыши Парижа лежат на спине
лапками кверху.

Рэймон Кено

Не пытаться сразу же найти определение городу; в нем слишком много всего, и здесь очень легко ошибиться.

Сначала составить перечень того, что мы видим. Выявить то, в чем мы уверены. Установить элементарные различия: например, между тем, что является городом, и тем, что городом не является.

Заинтересоваться тем, что именно отличает город от того, что городом не является. Посмотреть, что именно происходит, когда город заканчивается. Например (я уже касался этой темы, когда писал об улицах), абсолютно безошибочный метод определять, находимся ли мы в Париже или вне Пари-

жа, заключается в том, чтобы смотреть на автобусные номера: если они двузначные, то мы в Париже; если они трехзначные, то мы вне Парижа (к несчастью, существуют отклонения от правил, хотя в принципе их быть не должно).

Признать, что пригороды имеют явную тенденцию к тому, чтобы не оставаться пригородами.

Отметить, что город не всегда был таким, какой он есть. Вспомнить, например, что Отэй долго оставался за городом; до середины XIX века врачи, усматривая в ребенке чрезмерную бледность, рекомендовали родителям провести несколько дней в Отэе и подышать чистым деревенским воздухом (кстати, в Отэе до сих пор существует молочная лавка, которая по-прежнему называется «Ферма Отэя»).

Еще вспомнить, что Триумфальная арка была выстроена в предместье (это была не совсем сельская местность, а скорее эквивалент Булонского леса, но, во всяком случае, это был совсем не город).

Еще вспомнить, что Сен-Дени, Баньоле, Обервилье куда более значительные города, чем Пуатье, Аннеси или Сен-Назэр.

Вспомнить, что все, что называется «предместьем», находилось вне города (предместье Сент-Антуан, предместье Сен-Дени, предместье Сен-Жермен, предместье Сент-Оноре).

Вспомнить, что Сен-Жермен-де-Пре⁶ называли так потому, что там были луга.

Вспомнить, что «бульвар» — это изначально променад, обсаженный деревьями, который окружает город и обычно занимает пространство, где раньше находились крепостные стены...

Вспомнить, кстати, что город был укреплен...

2

Ветер дует с моря: в Европе тошнотворные городские запахи уносит на восток, в Америке — на запад. Вот почему шикарные районы расположены в западной части Парижа (16-й округ, Нэйи, Сен-Клу и т. д.) и Лондона (Вест-Энд) и в восточной части Нью-Йорка (Ист-Сайд).

3

Город: камень, бетон и асфальт.

Незнакомцы, памятники, учреждения. Мегаполисы. Города-спруты. Артерии. Толпы. Муравейники?

Что такое сердце города? Душа города? Почему говорят, что один город красивый, а другой — уродливый? Как узнать город? Как познают свой город?

Методика: следовало бы отказаться говорить о городе или же заставить себя говорить о нем как можно проще, говорить о нем, конечно же, по-свойски. Гнать любое предвзятое мнение. Перестать думать готовыми словами; забыть все, что говорят урбанисты и социологи.

Уже в самой идее города есть что-то ужасающее; кажется, мы можем цепляться лишь за трагические и безнадежные образы: Метрополис, минеральное царство, окаменевший мир; что мы можем лишь беспрерывно накапливать вопросы, остающиеся без ответа.

Мы никогда не сумеем объяснить или обосновать город. Вот он, город. Это наше пространство, и другого пространства у нас нет. Мы родились в городах. Выросли в городах. И дышим городским воздухом. Когда мы садимся в поезд, то лишь для того, чтобы переехать из одного города в другой. Все бесчеловечное, что есть в городе, исходит от человека.

4

Мой город

Я живу в Париже. Это столица Франции. В те времена, когда Франция называлась Галлией, Париж назывался Лютецией.

Как и многие города, Париж строился в непосредственной близости от семи холмов.

Это Мон-Валерьян, Монмартр, Монпарнас, Монсури, холм Шайо, Бют-Шомон и Бют-о-Кай, гора Сент-Женевьев и т. д.

Разумеется, я не знаю всех улиц Парижа. Но всегда представляю, где каждая из них находится. Даже если бы я захотел, то вряд ли бы сумел потеряться в Париже. У меня много ориентиров. Я почти всегда знаю, в каком направлении нужно ехать на метро. Я довольно хорошо знаю автобусные маршруты: я могу объяснить таксисту, как доехать до нужного мне пункта. Названия улиц мне почти всегда известны, характерные особенности кварталов мне знакомы; я без труда узнаю церкви и прочие памятники; я знаю, где вокзалы. Многие места связаны с конкретными воспоминаниями: это дома, где некогда жили друзья, которых я потерял из виду, или кафе, где я однажды играл на автомате в электрический бильярд шесть часов подряд (начиная игру всего лишь с одной монетой в двадцать сантимов), или же сквер, где я читал «Шагреневую кожу», присматривая за резвящейся маленькой племянницей.

Я люблю ходить по Парижу. Иногда с полудня и до вечера, без всякой конкретной цели, но все же не совсем наугад, наобум, а как бы отдаваясь течению. Иногда — садясь в первый остановившийся автобус (сейчас в автобус на ходу уже не запрыгнешь). Или же тщательно и детально разрабатывая какой-нибудь маршрут. Было бы у меня время,

я бы охотно составлял и решал задачи, подобные задаче о кенигсбергских мостах или, например, находил путь, который пересекает весь Париж, пролегая только через те улицы, чьи названия начинаются с буквы «С».

Я люблю свой город, но вряд ли могу сказать, что именно в нем я люблю. Не думаю, что это запах. Я слишком привык к памятникам, чтобы у меня возникало желание их рассматривать. Я люблю определенный свет, несколько мостов, террасы кафе. Я люблю заходить в места, которые давно не видел.

5

Чужие города

Мы знаем, как добраться от вокзала или терминала до своей гостиницы. Мы надеемся, что до нее недалеко. Мы бы хотели, чтобы она оказалась в самом центре. Мы тщательно изучаем план города. Отмечаем музеи, парки, места, которые нам настоятельно советовали посетить.

Мы отправляемся смотреть картины и церкви. Мы бы охотно погуляли, пофланировали, но не осмеливаемся; мы не можем пуститься в свободное плавание, боимся потеряться. Мы не ходим, а скорее идем от места к месту. Мы не понимаем, на что именно

смотреть. Мы почти растроганы, замечая офис компании «Эр-Франс», и чуть ли не до слез умиляемся, видя в газетном киоске газету «Монд». Ни одно место не позволяет связать себя с каким-либо воспоминанием, чувством, лицом. Мы отмечаем чайные салоны, кафетерии, милк-бары, таверны, рестораны. Мы проходим перед статуей. Это памятник Людвигу Шпанферкелю ди Номинаторе, знаменитому пивовару. Мы с интересом разглядываем универсальные наборы разводных ключей (нам нужно убить два часа, и эти два часа мы гуляем: какая разница, что именно привлекает наш взгляд? Пространство нейтральное, пока еще не занятое, практически без опознавательных знаков: мы не знаем, сколько времени требуется, чтобы дойти от одного места до другого, и все время приходим слишком рано).

Двух дней может хватить на то, чтобы привыкнуть. В тот день, когда мы обнаруживаем, что статуя Людвига Шпанферкеля ди Номинаторе (знаменитого пивовара) находится лишь в трех минутах ходьбы от гостиницы (в конце улицы Принц-Адальберт), хотя раньше нам приходилось идти до нее добрых полчаса, мы начинаем осваивать этот город. Это еще не значит, что мы начинаем его обживать.

Об этих едва затронутых нами городах мы часто храним воспоминания, отмеченные неопределенным очарованием: воспо-

минание о нашей нерешительности, наших неуверенных шагах, о том, как мы не знали, куда обратить взор, и как нам было достаточно малейшего пустяка, чтобы почувствовать себя растроганными: почти пустынная улочка, обсаженная большими платанами (ведь это были платаны?) в Белграде, фасад, выложенный керамической плиткой в Саарбрюкене, покатые улицы в Эдинбурге, ширина Рейна в Базеле и веревка — точнее, канат, — что тянет пересекающий его паром...

6

О туризме

Что касается осмотра города, то об этом он даже не подумал, ибо принадлежал к породе англичан, предоставляющих своим слугам осматривать страны, через которые они проезжают.

*Жюль Верн. Вокруг света за 80 дней*⁷

Чем ехать в Лондон, лучше остаться дома и, сидя у камина, читать бесценные сведения, предоставленные Бедкером (издания 1907 года):

Самая благоприятная пора для посещения Лондона — сезон (season), то есть месяцы май, июнь и июль: в это время заседает Парламент, в городе собирается высшее общество, на сценах больших те-

атров выступают самые известные актеры, с блеском открываются художественные выставки. Остальные районы страны, за исключением горных, можно посещать круглый год.

...Если по соседству не окажется полисмена, наводите справки в каком-нибудь магазине. Обращайтесь к незнакомцам лишь в случае крайней необходимости и не отвечайте на вопросы прохожих, особенно по-французски, так как вопрос может служить предлогом для последующего воровства или жульничества. Впрочем, иностранец должен постоянно держаться настороже и очень внимательно следить за своим кошельком и часами. Об этом совете следует помнить и когда вы заходите в вагон или омнибус, и когда выходите — в общем, повсюду, где собирается толпа. Отметим, что на оживленных улицах прохожие обычно держатся правой стороны. По вечерам избегайте бедных кварталов и отдаленных районов.

Важнейшим видом передвижения на длинные расстояния в Лондоне являются городские железные дороги <...>. Чаше всего они проходят под землей, на небольшой глубине, в туннелях или рвах, огражденных высокими стенами <...>. Поезда ходят внутри кольцевой линии с 5.30 утра до полуночи <...>. Вы покупаете

билет (ticket) в кассе (booking-office) и спускаетесь по лестнице к путям. На первой площадке контролер указывает вам, с какой стороны (platform) следует садиться в поезд. Большая красная буква «О» на билетах означает «outer», то есть внешняя линия, а большая буква «I» — «inner», то есть внутренняя линия. Направление следующего поезда можно узнать по указателю, а название конечной станции отмечено большими буквами спереди локомотива. Водители объявляют станции, названия которых к тому же указываются на табличках, фонарях и спинках скамеек вдоль перрона. Остановки очень короткие: поторопитесь.

Врачи. Мы рекомендуем врачей: Л. Вентра, врач Посольства Франции и французской больницы <...>; Х. де Мерик (хирург) <...>; Х. Дарден <...>; П. Ж. Барановф, врач французской больницы <...>; Науманн, врач итальянской больницы <...>; стоматологи: А. А. Голдсмит (американец) <...>; К. А. Дэйвенпорт (американец) <...>; Х. Л. Коффин (американец) <...>; Пьерпойнт (американец) и т. д. Аптеки (нет ни одной французской аптеки)...

Планирование времени: даже самому неутомимому путешественнику, который удовольствуется самым поверхностным взглядом, едва хватит двух недель, что-

бы составить более или менее ясное представление о Лондоне и его предместьях. Задачу облегчит методичный распорядок: <...> утром и пополудни можно осматривать церкви, многие открыты весь день, и гулять в парках, ботанических и зоологических садах. Во второй половине дня, с 5 до 7 часов, до ужина, гулять по всегда оживленному Риджент-Стрит или Гайд-Парку, среди густой толпы и множества блестящих всадников и экипажей. Если вы окажетесь у Лондонского моста, не упустите возможность взглянуть на порт и его окрестности, приплывающие и отплывающие корабли, на бурную деятельность в доках. Желающим насладиться грандиозным и уникальным зрелищем особенно советуем посетить Грэйвсенд.

7

Упражнения

Описывать действия, которые мы совершаем для проезда в метро, с той же тщательностью, что и Бедкер при описании лондонского метрополитена в 1907 году

Подумать о некоторых предложениях сюрреалистов по приукрашиванию города:

Обелиск: закруглить верхушку и насадить на нее стальное перо подходящего размера

Башня Сен-Жак: слегка наклонить
Бельфорский лев: засунуть кость ему в
пасть и развернуть к западу
Пантеон: разрезать по вертикали и раз-
двинуть две половинки на 50 сантимет-
ров

Попытаться вычислить, при помощи со-
ответствующих карт и планов, маршрут, ко-
торый позволял бы проехать последователь-
но на всех автобусах столицы

Попытаться представить, каким мог бы
быть Париж:

*Париж станет зимним садом: — обре-
шетка для фруктовых деревьев вдоль
бульвара. Сена очищенная и теплая, —
обилие искусственных драгоценных кам-
ней, — преобладание позолоты — освеще-
ние домов — свет будет накапливать-
ся, поскольку существуют обладающие
этим свойством тела, как, например,
сахар, плоть некоторых моллюсков или
болонский фосфор. В обязанность войдет
подкрашивать фасады домов фосфорес-
цирующей субстанцией, и они будут ос-
вещать улицы.*

Гюстав Флобер

(черновики к роману «Бувар и Пекюше»,
окончательный план, издательство «Галлимар»,
коллекция «Плеяда», т. 2. С. 986)

ДЕРЕВНЯ

1

Я мало что могу сказать по поводу деревни: ее не существует, это иллюзия.

Для большинства мне подобных сельская местность — это развлекательное пространство, которое окружает их загородное жилье и обрамляет ведущий туда участок автодороги, куда они прибывают в пятницу вечером и где в воскресенье пополудни, если хватит мужества, они проходят несколько метров, перед тем как отбыть в город, дабы всю следующую неделю воспевать там возврат к природе.

Как и все, я не раз ездил за город (последний раз — в феврале 1973 года, когда, как мне хорошо помнится, было очень холодно). Впрочем, я люблю деревню (я люблю, как уже говорил, и город: я не привередлив), я

люблю бывать за городом: ешь деревенский хлеб, дышишь свежим воздухом, иногда видишь животных, которых уже практически отвык встречать в городе, топишь камин, играешь в скрабл или другие коллективные игры. Следует признать: зачастую там больше места, чем в городе, почти так же комфортабельно, а иногда и так же спокойно. Но ничто из этого мне не кажется достаточным, чтобы провести четкую границу.

Сельская местность — это чужая страна. Так не должно быть, однако так есть; так могло бы и не быть, но так было и отныне так будет; и уже слишком поздно что-нибудь менять.

Я человек городской; я родился, рос и жил в городе. Мои привычки, ритм и словарь — привычки, ритм и словарь городского человека. Город мне принадлежит. В нем я у себя дома: асфальт, бетон, решетки, сеть улиц, гризайль фасадов насколько хватает глаз, — все это может меня удивлять или возмущать, но так же, как может меня возмущать или удивлять, например, крайнее затруднение, возникающее, когда хочешь увидеть собственный затылок, или недоказуемое существование пазух (лобных или челюстных). За городом ничто меня не возмущает; из вежливости я мог бы сказать, что все меня удивляет; на самом же деле все оставляет

меня почти равнодушным. Я многому научился в школе, и до сих пор помню, что Мец, Туль и Верден образовывали Три Епископства, что дельта равна b^2 минус 4 ac , и что кислота плюс основание дают соль плюс воду, но я ничего не выучил о деревне или же забыл все, чему меня учили. Мне доводилось читать в книгах, что в деревнях живут крестьяне, что крестьяне встают и ложатся с солнцем, что их работа заключается, помимо прочего, в том, чтобы золить, известковать мергелем, чередовать, перебивать сев, удобрять ракушечниковым песком, боронить, мотыжить, полоть, двоить, молотить. Действия, обозначенные этими глаголами, для меня еще более экзотичны, чем те, что предшествуют, например, восстановлению котельной центрального отопления, хотя к этой сфере у меня нет ни малейшего интереса.

Конечно, есть большие желтые поля, которые бороздят блестящие машины, рощи, луга, засаженные люцерной, и бесконечные виноградники. Но я ничего не знаю об этих пространствах, они для меня непроходимы. Единственное, что мне может быть знакомо, это пакетики «Вильморен» или «Трюффо», перестроенные фермы, где ярмо быков стало подвесной лампой, мера зерна — корзинкой для бумаг (такая есть и у меня, и я ею очень дорожу), умильные статьи о разведении те-

ляток и ностальгические воспоминания о черешне, за которой надо было лезть на дерево.

2

Деревенская утопия

Для начала — в школе вы сидели бы за одной партой с местным почтальоном.

Вы бы знали, что мед учителя лучше, чем мед начальника станции (нет, начальника станции не было бы, только станционный смотритель: уже много лет, как поезда здесь не останавливаются, их заменила автобусная линия, но переезд, до сих пор не автоматизированный, еще остался).

Вы бы умели определять по форме облаков над холмами, когда пойдет дождь, вы бы знали места, где водятся раки, вы бы помнили о тех временах, когда автомеханик подковывал лошадей (преувеличить слегка, так, чтобы почти захотелось в это поверить, но все же не слишком...).

Разумеется, вы бы знали всех в лицо и жизнь каждого как свои пять пальцев. По средам колбасник из Дампьера привозил бы вам сардельки и сигналил бы перед вашим домом. По понедельникам мадам Блез приходила бы стирать.

Вы бы ходили с детьми собирать ежевику вдоль тропинок, петляющих между холма-

ми; вы бы отправлялись с ними по грибы; вы бы отправляли их искать улиток.

Вы бы обращали внимание на проезд семичасового автобуса. Вы бы любили садиться на единственную скамейку в деревне, под столетним вязом, напротив церкви.

Вы бы ходили по полям в высоких башмаках и сбивали верхушки злаков палкой с железным наконечником.

Вы бы играли в манию со станционным смотрителем.

Вы бы ходили за дровами в ближайший лес.

Вы бы умели распознавать птиц по их пению.

Вы бы знали каждое дерево в своем саду.

Вы бы следили за тем, как сменяются времена года.

3

Альтернатива ностальгическая (и ложная)

Либо укорениться, обрести или пустить свои корни, урвать у пространства место, которое будет вашим, выстроить, высадить, освоить миллиметр за миллиметром то место, где вы будете «у себя дома»: уйти с головой в свою деревню, считать себя севенцем, ощущать себя пуатьевцем.

Либо иметь лишь то, что на тебе надето, остаться без всего, жить в гостиницах, часто менять их, менять города, менять страны; говорить и читать одинаково на четырех-пяти языках; не чувствовать себя «дома» нигде, но чуть ли не всюду.

О ДВИЖЕНИИ

Мы живем где-то: в какой-то стране, в каком-то городе этой страны, в каком-то квартале этого города, на какой-то улице этого квартала, в каком-то доме на этой улице, в какой-то квартире этого дома.

Уже давно нам следовало бы усвоить привычку перемещаться, перемещаться свободно, так, чтобы это нам ничего не стоило. Но мы этого не сделали: мы остались там, где были; и все осталось как было. Мы даже не спрашивали себя, почему это было здесь, а не где-то, почему это было так, а не иначе. Ну, а потом было уже слишком поздно, мы уже как-то притерлись. Мы стали считать, что нам хорошо там, где мы есть. В конце концов, там ничуть не хуже, чем по другую сторону.

Нам трудно менять даже расположение мебели. А переезжать — это уже целая эпопея. Мы остаемся в своем квартале, мы жале-ем, если приходится менять его на другой.

Нужны крайне серьезные события, чтобы мы сдвинулись с места: войны, голод, эпидемии.

Мы привыкаем с трудом. Те, кто приехал несколькими днями раньше, смотрят на нас свысока. Мы сидим в нашем углу вместе с теми, кто в нашем углу; мы с ностальгией вспоминаем о нашей деревушке, о нашей речушке, о большом горчичном поле, которое открывалось, когда мы съезжали с главной дороги.

СТРАНА

1

Границы

Страны отделены одна от другой границами. В пересечении границы всегда есть что-то немного волнующее: достаточно вымысленного предела, материализованного деревянным барьером, — который, кстати, никогда не совпадает с линией, которую он призван представлять, а отнесен на несколько десятков или сотен метров ближе или дальше, — чтобы изменилось все, включая пейзаж: тот же воздух, та же земля, но дорога уже не совсем такая, меняется начертание дорожных знаков, булочные не совсем похожи на то, что мы называли булочной минуту назад, у хлеба уже другая форма, на земле валяются другие пачки из-под сигарет...

(Подмечать то, что остается одинаковым: форма домов? форма полей? лица? эмблемы «Shell» на заправочных станциях, рекламные щиты «Coca-Cola» почти одинаковы повсюду, как это подтвердила недавняя выставка фотографий: от Огненной Земли до Скандинавии, и от Японии до Гренландии, — правила автомобильного движения (с несколькими вариациями), ширина колеи железнодорожных путей (за исключением Испании) и т. д.)

В 1952 году в Иерусалиме я попытался пролезть под колючей проволокой и ступить на иорданскую землю, однако сопровождавшие меня остановили: там, кажется, были мины. Так или иначе, я прикоснулся бы не к Иордании, а к ничейной, нейтральной территории, к *no man's land*.

В октябре 1970 года, в Хофе, в Баварии, я, как говорится, охватил одним взглядом нечто, принадлежавшее Западной Германии, нечто, принадлежавшее Восточной Германии, и нечто, принадлежавшее Чехословакии: это было сероватое и мрачноватое пространство с редкими насаждениями. Трактир, западногерманский, откуда открывался этот вид, пользовался успехом.

В мае 1961 года, неподалеку от руин Сбейтлы, в Тунисе, где-то в районе Кассерина, я увидел алжирскую границу: простая изгородь из колючей проволоки. В нескольких сотнях метров виднелась разрушенная ферма, уже на территории Алжира. «Линия Мориса», которая оставалась все еще действующей, проходила, как мне сказали, прямо за ней.

Границы — это линии. Миллионы людей погибли из-за того, что были границы. Тысячи людей погибли, потому что не сумели их пересечь: выжить тогда означало просто переправиться через речку, обойти холмик, пройти лесок. По ту сторону была Швейцария, нейтральная страна, свободная зона...

(«Великая иллюзия»: в сбежавших пленников уже не стреляли, когда им удавалось пересечь границу...)

Люди сражались за крохотные клочки пространства, за склон холма, за побережье в несколько метров, за скалистый бугорок, за участок улицы. Для миллионов людей смерть наступила из-за легкого перепада уровня между двумя точками, расположенными на расстоянии не больше ста метров. Люди сражались неделями, чтобы завоевать или отвоевать высоту 532.

(Одним из главнокомандующих французской армии во время войны 1914—1918 годов был генерал Нивель⁸...)

2

Моя страна

Национальная территория (Родина-Мать — по-немецки *Vaterland* — Земля Нации, Отчизна, Франция, Шестиугольник⁷) — это государство Западной Европы, соответствующее наибольшей части цизальпинской Галлии. Оно расположено между 42°20' и 51°5' северной широты и между 7°11' западной долготы и 5°10' восточной долготы. Его площадь составляет 528 576 квадратных километров.

На протяжении примерно 2 640 километров эта территория омывается морским пространством, которое является французскими «территориальными водами».

Над всей территорией государства расположено «воздушное пространство».

Защита, целостность и безопасность этих трех пространств (наземного, воздушного и водного) являются предметом постоянной заботы государственной власти.

Не думаю, что смогу добавить что-то пространное или пространственное по поводу моей страны.

ЕВРОПА

Одна из пяти частей света

СТАРЫЙ КОНТИНЕНТ

Европа, Азия и Африка

НОВЫЙ КОНТИНЕНТ

Ура, ребята, нас открыли!
(один из индейцев при виде
Христофора Колумба)

МИР

Мир велик.

Самолеты бороздят его во все стороны, в любое время и в любую погоду.

Путешествовать.

Можно было бы заставить себя следовать по определенной широте (Жюль Верн, «Дети капитана Гранта») или объехать Соединенные Штаты Америки, соблюдая алфавитный порядок (Жюль Верн, «Завещание чудака») или обуславливая переезд из одного государства в другое наличием двух одноименных городов (Мишель Бютор, «Движущая сила»).

Удивление и разочарование от путешествий. Иллюзия покорения расстояния, упразднения времени. Быть далеко.

Видеть *воочию* то, что долгое время было всего лишь картинкой в старом словаре: гей-

зер, водопад, Неаполитанский залив, место, с которого Гаврило Принцип стрелял в австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и герцогиню Софию Гогенберг, на углу улицы Франца Иосифа и набережной Аппель, в Сараево, как раз напротив питейного заведения братьев Симич, 28 июня 1914 года, в одиннадцать часов пятнадцать минут.

Или, точнее, видеть какой-нибудь предмет очень далеко от его предположительно первоначального местонахождения: совершенно уродливый — например, шкатулку из ракушек с надписью «На память о Динаре» в шале Шварцвальда или совершенно заурядный — к примеру, какую-нибудь вешалку с отметкой «Hôtel Saint-Victor» в гостинице bed and breakfast Инвернесса, или совершенно невероятный — допустим, «Археологический справочник департамента Тарн», составленный г-ном Х. Крозом (1865, ин-кварти, 123 стр.), в гостиной семейного пансиона Регенсбурга (во Франции более известного под названием Ратисбон).

Видеть то, что мы всегда мечтали увидеть. Но что именно мы всегда мечтали увидеть? Пирамиды? Портрет Меланхтона кисти Кранаха? Могилу Маркса? Могилу Фрейда? Бухару и Самарканд? Шляпку, которую носит Кэтрин Хепберн в фильме «Сильвия Скарлетт»? (Однажды, по пути из

Форбака в Метц, я сделал крюк, чтобы заехать в местечко Сен-Жан-Рорбак и посмотреть на место рождения генерала Эбле.)

Или, скорее, открывать то, что мы никогда не видели, не ожидали и даже не предполагали увидеть. Но как привести примеры: это не то, что по прошествии времени включается в комплект сюрпризов или чудес света; ни грандиозное, ни поразительное; ни даже гарантированно причудливое. Напротив, это скорее обретенная близость привычности, пространство родства...

Что можно знать о мире? Какое пространство сумеет охватить наш взгляд от рождения до смерти? Сколько квадратных сантиметров поверхности планеты Земля окажется под нашими подошвами?

Изъездить весь мир, избороздить его вдоль и поперек — это будет всегда значить, что мы познали несколько аров, несколько арпанов земли: кратчайшие вторжения в бесплотную древность, дрожь в предвкушении приключений, беспрецедентные поиски, завязшие в легкой дымке, от которых наша память сохранит лишь несколько подробностей. Помимо вокзалов и дорог, сверкающих взлетных полос аэропортов и узких кромок земли, которые несущийся с большой скоростью ночной поезд освещает на краткий миг, помимо так долго ожидаемых

и так поздно открытых панорамных видов, помимо нагромождений камней и скоплений произведений искусства, останутся, может быть, трое детей, бегущих по совершенно белой дороге, или домик на выезде из Авиньона с решетчатой деревянной дверью, некогда окрашенной в зеленый цвет, темный контур деревьев на вершине холма в окрестностях Саарбрюкена, четыре веселых толстяка на террасе кафе в пригороде Неаполя, главная улица Бриона, в Эре, за два дня до Рождества около шести часов вечера, прохлада крытой галереи на рынке Сфакса, крохотная плотина на шотландском озере, извилистая дорога под Корволь-л'Оргейо... А с ними — неодолимое, мгновенное и почти материальное ощущение конкретности мира: что-то светлое, более близкое к нам; мир уже не как неизбежный маршрут, непрерывная гонка, бесконечное испытание, повод для безнадежного накопления или иллюзия покорения, но мир как обретение смысла, восприятие земного письма, той *географии*, авторами которой, уже позабыв об этом, являемся мы сами.

ПРОСТРАНСТВО

...так что мир и окружающее пространство выглядели зеркалом друг друга — изукрашенные иероглифами и идеограммами, которые могли быть знаками и в то же время могли ими не быть. Известковое отложение на базальте, взметенный ветром гребень на слежавшемся бархане, глазки павлиньих перьев (жизнь среди знаков постепенно научила видеть таковые во множестве явлений, существовавших раньше просто так, обозначая лишь свое присутствие, и сделала эти явления знаками самих себя, прибавив их к числу оставленных специально теми, кто хотел оставить знак), полосы, запечатленные огнем на сланцевой породе, четыреста двадцать седьмой — чуть скошенный — желоб на карнизе фронтона мавзолея, черед полосок на телеэкране под влиянием магнитной бури (ряд знаков превращается в ряд знаков знаков, знаков, повторяемых бессчетно, — всегда одних и тех же, но и всякий раз отличных, так как к намеренно оставленному знаку добавлялся появившийся случайно), не вполне прокрашенная ножка буквы Р, пришедшаяся в одном из экземпляров «вечерки» на дефект бумаги, одна из восьмисот тысяч отметин на гудронированной стенке кессона в доках Мельбурна, след неожиданного торможения на асфальте, статистическая кривая, хромосома...

Итало Кальвино
(«Космикомиические истории») ¹⁰

Мы пользуемся глазами, чтобы видеть. Наше поле зрения открывает нам безграничное пространство: нечто более или менее круглое, которое очень скоро прерывается справа и слева и не продолжается ни ниже, ни выше. Скосив глаза, мы можем увидеть кончик нашего носа; поднимая глаза, мы видим, что есть верх; опуская глаза, мы видим, что есть низ; поворачивая голову, сначала в одну, потом в другую сторону, мы даже не можем полностью увидеть то, что нас окружает; приходится поворачиваться всем корпусом, чтобы увидеть все то, что есть позади нас.

Наш взгляд пробегает пространство и дает нам иллюзию рельефа и расстояния. Именно так мы выстраиваем пространство: вот верх и низ, лево и право, впереди и позади, близко и далеко.

Когда ничто не останавливает наш взор, он уносится вдаль. Ничего не встречая, он ничего не видит, он видит лишь то, что его останавливает. Пространство — это то, на

что взгляд наталкивается, то, во что он упирается: преграда (кирпичи, угол, точка схода); пространство — это когда образуется угол, когда происходит остановка, когда нужно развернуться, чтобы все продолжилось. В самом же пространстве нет ничего эктоплазматического; у него есть края, оно не разбегается во все стороны, оно делает все, что нужно, для того, чтобы железнодорожные рельсы сходились перед тем, как уйти в бесконечность.

О ПРЯМЫХ ЛИНИЯХ

Здесь я написал главу о кривых линиях, дабы доказать превосходство прямых...

Прямая линия! стезя, по которой...

— Эта прямая линия — стезя, по которой должны ходить христиане, — говорят богословы.

— Эмблема нравственной прямоты, — говорит Цицерон.

— Наилучшая линия, — говорят сажатели капусты.

— Кратчайшая линия, — говорит Архимед, — которую можно провести между двумя данными точками.

Но автор, подобный мне и многим другим, не геометр; и я уклонился от прямой линии.

Лоренс Стерн
(«Тристрам Шенди», глава 240)¹¹

ИЗМЕРЕНИЯ

Полагаю, что, как и всех, меня привлекают нулевые отметки — те оси и точки отсчета, по которым могут быть определены положение и расстояние до любого предмета вселенной:

- экватор,
- Гринвичский меридиан,
- уровень моря

или еще тот круг, на площади перед собором Парижской Богоматери (увы, во время строительства подземной автостоянки он исчез, и никто не задумался о том, чтобы восстановить его на прежнем месте), от которого высчитываются все дорожные расстояния во Франции.

На пути из Туниса в Сфакс мне нравилось проезжать перед указателем (исчез и он), который отмечал, на каком расстоянии находятся Триполи, Бенгази, Александрия и Каир.

Мне нравится знать, что Пьер Франсуа Андре Мешен, родившийся в Лаоне в 1744 го-

ду, и Жан Батист Жозеф Деламбр, родившийся в Амьене в 1749 году, отправились из Дюнкерка в Барселону с одной лишь целью выверить длину, которую должен был иметь метр (кажется, Мешен даже ошибся в своих расчетах).

Мне нравится знать, что на полпути между местечками Фрапон и Ла Прель (коммуна Вездэн, департамент Шер) установлена табличка, указывающая на то, что мы находимся точно в *центре* французской метрополии.

Даже здесь, в этот момент, я не вижу ничего невозможного в том, чтобы определить свое местоположение в градусах, минутах, секундах, десятых и сотых долях секунды: где-то приблизительно у 49-го градуса северной широты, где-то приблизительно на $2^{\circ}10'1''4$ восточнее Гринвичского меридиана (или всего лишь в нескольких долях секунды западнее Парижского меридиана) и на несколько десятков метров выше уровня моря.

Недавно я прочел, что в Англии кто-то отправил письмо с адресом, где указал лишь широту и долготу. Конечно, отправитель был если не географом, то, по крайней мере, землемером или кадастровым служащим; правда и то, что получатель жил один в доме, стоящем в стороне от населенных пунктов, и определить его было нетрудно. Итак,

письмо дошло. «Postmaster-General», начальник британского ведомства, соответствующего французскому «Почта и Телеграф», опубликовал коммюнике, в котором дал очень высокую оценку своим почтовым служащим, но предупредил, что впредь подобные надписи на конвертах не будут приниматься во внимание. То же самое относительно адресов в стихах: у почтовых служащих хватает дел и без разгадывания всяких загадок; путь, который письмо проходит от пункта отправления до пункта назначения, — вопрос одной лишь индексации; здесь Малларме, Латис и картография могут стать лишь помехой...

Пространство кажется более укрощенным или более безопасным, чем время: мы повсюду встречаем людей с часами и очень редко — людей с компасами. Нам постоянно требуется знать, который час (а кто умеет определять положение солнца по часам?), но мы никогда не задумываемся, где именно находимся. Мы полагаем, что знаем: мы дома, мы на работе, мы в метро, мы на улице.

Разумеется, это очевидно — но что не очевидно? Между тем, время от времени нам следовало бы задумываться о том, *где* мы и *как далеко* мы (зашли), определяться не только в своих душевных состояниях, в своем самочувствии, в своих амбициях, верованиях и смыслах жизни, но еще и в своем то-

пографическом расположении, и не только по отношению к упомянутым выше осям, но скорее по отношению к месту или человеку, о котором мы думаем или собираемся думать. Например, когда у Дома Инвалидов мы садимся в автобус, отправляющийся в Орли, представить себе, как человек, которого мы едем встречать в аэропорту, двигается от Гренобля по небесному меридиану, и пока наш автобус с трудом продирается через пробки на авеню дю Мэн, попытаться вообразить, как встречаемый медленно перемещается по карте Франции, пересекает Эн, Сону и Луару, Ньевр и Луаре... Или же, более систематически, вопрошать себя, в одно и то же определенное время дня, где находятся по отношению друг к другу или по отношению к вам ваши друзья: отмечать разницу уровня (те, кто, как вы, живет на втором этаже, те, кто живет на шестом, на двенадцатом и т. д.), определять направление, прослеживать за их перемещением в пространстве.

Когда-то давно, наверняка в одном из маленьких ежедневников (на три месяца), которые книжный магазин «Жибер» дарил в начале учебного года всем, кто приходил обменивать учебники Карпантье-Фиалипа и Ру-Комбалюзье предыдущего класса на учебники Карпантье-Фиалипа и Ру-Комбалюзье

следующего класса, я (как, полагаю, и все)
вписал свой адрес следующим образом:

Жорж Перек
18, улица де л'Ассомпсьон
Лестница А
4-й этаж
Дверь справа
Париж 16-й округ
Сена
Франция
Европа
Мир
Вселенная

ИГРАТЬ С ПРОСТРАНСТВОМ

Играть с большими числами (факториалами, последовательностью Фибоначчи, геометрическими прогрессиями):

Расстояние от Земли до Луны: тонкая сигаретная бумажка — их потребуется 1 000, чтобы получить толщину в миллиметр — складывается пополам 49 раз подряд;

Расстояние от Земли до Солнца: та же бумажка складывается пополам 58 раз подряд;

Расстояние от Плутона до Солнца: складывая все ту же бумажку на 4 раза больше, мы почти достигаем нужного соотношения, но, складывая ее еще 4 раза, мы залетаем почти на 3 000 000 000 километров дальше;

Расстояние от Земли до Альфы Центавра: складываем на 15 раз больше.

Играть с расстояниями: разработать маршрут путешествия, которое позволит вам посетить или проехать все места, расположенные в 314,6 километрах от вашего дома;

отслеживать по планам, по военным картам проделанный путь.

Играть с мерами: привыкнуть к футам и лье (хотя бы для того, чтобы удобнее читать Стендаля, Дюма и Жюль Верна); попытаться раз и навсегда составить себе представление о том, что такое морская миля (а заодно и узел); вспомнить, что *дневная* — это единица площади: это поверхность, которую крестьянин мог обработать за один день.

Играть с пространством: вызвать солнечное затмение, подняв мизинец (что проделывает Леопольд Блум в «Улиссе»); сфотографировать себя самого, поддерживающего Пизанскую башню...

Начинать привыкать к жизни в состоянии невесомости:

забывать о вертикалях и горизонталях: гравюры Эшера, интерьеры межпланетных кораблей в «Космической одиссее 2001 года».

Обдумывать две гениальные (впрочем, дополняющие одна другую) мысли:

Я часто думаю о количестве говядины, которое потребуется, дабы превратить в бульон всю воду Женевского озера.

Пьер Дак.
«Мозговая кость»

*Слоны всегда изображаются меньшими,
чем они есть на самом деле; блохи же —
всегда большими.*

Джонатан Свифт.
«Рассуждения на темы серьезные
и праздные»

ПОКОРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

1

«Дом на колесах г-на Рэймона Русселя»
(отрывок из «Ревю дю Туринг-Клуб де Франс»)

Автор «Африканских впечатлений», гениальность которого восхваляют многие утонченные ценители, создал по своему собственному проекту автомобиль размерами 9 метров в длину и 2,3 метра в ширину.

Эта машина — самый настоящий маленький дом. Внутри, в продуманной последовательности расположены: гостиная, спальня, студия, ванная и даже маленький дортуар для обслуживающего персонала, который состоит из трех человек (двух шоферов и одного слуги).

Корпус, созданный фирмой «Лакост», весьма элегантен, а внутреннее обустройство одновременно оригинально и изобретательно. <...> Днем спальня превращается в студию или в гостиную; что касается передней

части (за сидением водителя), то вечером она становится спальней, где вышеуказанные три человека могут удобно располагаться и совершать туалетные процедуры (раковина находится в багажном отделении <...> слева от места водителя и руля).

Интерьеры подвижного дома г-на Рэймона Русселя спроектированы декоратором Мэйплом.

Имеется электрическое отопление и печка, работающая как на газе, так и на бензине. Водогрей также работает и на газе, и на бензине.

Мебель продумана так, чтобы отвечать всем потребностям, и включает в себя даже сейф «Фише».

Безупречное оборудование на основе беспроводной технологии позволяет ловить программы всех европейских радиопередатчиков.

Это краткое описание показывает, что в своей вилле на колесах — которая легко укомплектовывается кухней-прицепом — владелец может найти в едва уменьшенных размерах все прелести домашнего очага.

Роскошная конструкция смонтирована на раме «Зауэр». На ровной поверхности средняя скорость автомобиля составляет 40 километров в час. Он смело покоряет самые трудные спуски благодаря специальному устройству для торможения двигателем.

Управление предусматривает возможность крутого поворота колеса, что оказывается весьма ценным качеством при езде по извилистым горным дорогам.

<...>

Едва построенный дом на колесах тут же отправился <...> в 3 000-километровый пробег через Швейцарию и Эльзас. Каждый вечер 2-на Русселя встречал новый пейзаж.

Из этого путешествия он вынес бесподобные впечатления.

2

«Святой Иероним в келье»

Антонелло да Мессина

(Лондон, Национальная галерея)

В данном случае келья — это что-то вроде отгороженной деревянной кафедры на подиуме, отделенном от плиточного пола собора тремя ступенями. Она состоит из стеллажей, заставленных книгами и различными предметами (в частности, шкатулками и вазой), и секретера, на котором находятся две книги, чернильница и перо, а на пюпитре — книга, которую читает Иероним. Все элементы скреплены, то есть образуют цельную конструкцию; к ним отдельно прилагаются кресло, в котором сидит Иероним, и сундук.

Перед тем, как подняться на подиум, святой муж снял туфли. Свою кардинальскую

шляпу положил на сундук. Он облачен в красное (кардинальское) платье, на голове у него круглая шапочка, также красного цвета. Он сидит в кресле, выпрямившись, и очень далеко от читаемой книги. Его пальцы скрыты страницами, словно он перелистывает книгу или, вероятнее, часто обращается к предыдущим, уже прочитанным местам. На одной из верхних полок, напротив святого и очень высоко над ним, висит распятие.

К торцовой части стеллажа прикреплены два простых крючка, на одном из которых висит какой-то предмет из белой ткани: возможно, это омофор или епитрахиль, но скорее всего полотенце.

На выступе подиума видны два горшка с растениями, одно из которых, должно быть, карликовое апельсиновое деревце, и пребывающий в легкой дреме, судя по позе, полосатый котенок. Над апельсиновым деревцем, на торцовой части секретера, прикреплена этикетка, которая как почти всегда у Антонелло да Мессина указывает имя художника и дату написания картины.

По тому, что мы видим по обе стороны кафедры и над ней, можно представить себе, как выглядит остальная часть собора. Он пуст, за исключением льва, справа от кафедры, который поднял лапу, словно боится помешать Иерониму в его работе. В створах высоких узких окон видны семь птиц. Из нижних окон просматривается слегка неров-

ный пейзаж: кипарис, оливковые деревья, замок, река с двумя персонажами в лодке и три рыбака.

Вся сцена подается через широкий портал со стрельчатыми сводами, на верхней ступени которого возле великолепной медной купели снисходительно позируют павлин и птенец какой-то хищной птицы.

Все пространство организовано вокруг этой мебели (а вся мебель организована вокруг книги). Леденящая архитектура церкви (оголенность плит, суровость колонн) устраняется: ее перспективы и вертикали уже не ограничивают единственное место невыразимой веры; они здесь лишь для того, чтобы принять мебель в свой масштаб, позволить ей *вписаться*: в центре нежилого пространства мебель задает границы пространству домашнему, которое с умиротворением обживают кошки, книги и люди.

3

Беглец

Так на скаку замечаешь дугу виадука
Жак Рубо

Я забыл о происхождении этой истории, я не смог бы гарантировать ее достоверность и далеко не уверен в точности определений:

однако она, как мне кажется, прекрасно иллюстрирует то, о чем я говорю.

Одному французу удалось ночью соскочить с поезда, который вез партию заключенных в Германию. Ночь была кромешная. Пленник даже не догадывался о том, где он находится. Он долго шел наугад, то есть прямо. В какой-то момент вышел к воде. Где-то прогудела сирена. Через несколько секунд волны, поднятые проходящим кораблем, достигли берега. Учитывая время, которое прошло между воем сирены и плеском волн, пленник определил ширину реки; зная ширину, он определил реку (это был Рейн), а определив реку, он понял, где находится.

Встречи

Разумеется, это не имело бы никакого смысла, если бы происходило иначе. Все изучено, все просчитано, об ошибках не может быть и речи, и не было случая, когда выявилась бы самая незначительная — пусть в несколько сантиметров или даже миллиметров — погрешность.

Однако я всегда испытываю что-то вроде восхищения, когда думаю о встрече французских и итальянских рабочих посреди Мон-Сенисского туннеля.

НЕЖИЛОЕ

Нежилое: загаженное море, ошестинившиеся колючей проволокой берега, плешивая земля, могильный грунт, груда скелетов, заболоченные реки, зловонные города

Нежилое: архитектура презрения и пускания пыли в глаза, тщеславная посредственность башен и высотных коробок, тысячи клетушек, нагроможденных одна на другую, скаредная показуха головных офисов

Нежилое: куцее, спертое, мелкое, мелочное, ужатое, высчитанное в самый раз

Нежилое: помещенное в загон, в клеть, запретное, запертое, стены, оскалившиеся бутылочными осколками, дверные глазки, блиндажи

Нежилое: города-трущобы, якобы города

Враждебное, серое, безымянное, уродливое, переходы метро, душевые кабины, ангары,

паркинги, сортировочные, окошки касс, номера гостиниц, фабрики, казармы, тюрьмы, убежища, приюты, лицеи, суды, школьные дворы

Расчетливое пространство частной собственности: обустроенные чердаки, превосходные гарсоньерки, симпатичные квартир-ки-студии в островках зелени, элегантные гостевые, тройные гостиные, просторные холлы под самым небом, панорамный обзор, окна на две стороны, деревья, балки, индивидуальный стиль, шикарная отделка и авторский дизайн, балкон, телефон, солнце, открытый вид, настоящий камин, лоджия, мойка с двумя чашами (нержавеющая сталь), тихо, приватный садик, исключительное предложение

Просьба называть свою фамилию после десяти часов вечера

Обустройство:

39533/43/Kam/J

6 ноября 1943 года

Предмет: подбор растений, предназначенных для оснащения бордюрной зеленью крематориев I и II концентрационного лагеря.

Основание: разговор коменданта лагеря, оберштурмбанфюрера СС Гёсса и штурмбанфюрера Бишофа.

Штурмбанфюреру СС Цезарю, руководителю сельскохозяйственных предприятий концентрационного лагеря Освенцим (Верхняя Силезия)

В соответствии с приказом коменданта лагеря, оберштурмбанфюрера СС Гёсса крематории I и II будут оснащены зеленой полосой, служащей естественной границей лагеря.

Ниже следует список растений, которые должны быть отобраны в наших лесных заповедниках:

200 лиственных деревьев от трех до пяти метров в высоту; 100 саженцев деревьев лиственных пород от полутора до четырех метров в высоту; и, наконец, 1000 кустарниковых растений от одного до двух с половиной метров в высоту,

Соблаговолите предоставить указанное количество растений в наше распоряжение.

Начальник главного управления
по строительству войск СС
и полиции Освенцима: подпись:
оберштурмфюрер СС

(Давид Руссе. «Клоун не смеется», 1948)

ПРОСТРАНСТВО

(продолжение и конец)

Я бы хотел, чтобы существовали места устойчивые, незыблемые, нерушимые, нетронутые и почти что неприкосновенные, неизменные, исконные; места, которые были бы ориентирами, отправными точками, истоками:

Моя родина, мой семейный очаг, дом, в котором мне довелось бы родиться, дерево, которое росло бы вместе со мной (которое мой отец посадил бы в день моего рождения), чердак моего детства, наполненный целыми и невредимыми воспоминаниями...

Таких мест не существует, и именно потому, что их не существует, пространство становится вопросом; оно перестает быть очевидным, перестает быть причастным, перестает быть присвоенным. Пространство — это сомнение: я должен беспрестанно его отмечать, на него ука-

зывать; оно никогда не бывает моим, оно никогда не дается мне даром, я должен его завоевывать.

Мои пространства хрупки: время будет их ослаблять, разрушать: ничто уже не будет похоже на то, что было, мои воспоминания будут меня подводить, забвение просочится в мою память, и я, не узнавая, буду смотреть на пожелтевшие фотокарточки с изломанными краями. И белыми, как будто фарфоровыми буковками уже не будет написано полукругом на витрине маленького кафе на улице Кокийер: «Здесь справочник Боттен» и: «Перекусить в любое время».

Пространство истаивает подобно тому, как песок утекает между пальцами. Время уносит его, оставляя мне лишь бесформенную рвань:

Писать: пытаться цепко удерживать нечто, сохранять живым что-то: вырывать какие-то отчетливые фрагменты у разверзющейся пустоты, оставлять где-нибудь след, черту, метку или несколько знаков.

Париж,
1973—1974

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ СЛОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ЭТОЙ РАБОТЕ

АДЛЕР ЛАРИ	ВЕРДЕН
АЛЬПИНИСТ	ВЕСЫ
АМЬЕН	ВЕТЕР
АНГУСТУРА	ВЕТЧИНА
АПЕЛЬСИНОВОЕ ДЕРЕ- ВО	ВЕШАЛКА
	ВОСКРЕСЕНИЕ
	ВЯЗ
БАЗАЛТ (Кальвино)	ВЯЛЕНАЯ ОЛЕНИНА
БАЙРОТ	
БАКЛУШИ	ГАЙДН ЙОЗЕФ
БАОБАБ	ГАРЕМ
БАРОМЕТР	ГИЛЬОТИНА
БАХ ИОГАНН-СЕБАСТЬЯН	ГРАФФИТИ
БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД	
БЕЛЬФОРСКИЙ ЛЕВ	ДАМА ТАРТИНКА
БЕСПРОВОДНАЯ ТЕХНО- ЛОГИЯ	ДЕРЕВЕНСКИЙ ХЛЕБ
БИГУДИ	ДОРОЖНЫЙ РАБОЧИЙ
БИЛЬЯРД	ДУША
БОЛЬШАЯ КРАСНАЯ БУК- ВА «О»	ДУШЕВЫЕ КАБИНЫ
БОТТЭН	ДЮГОМЬЕ
БОШАНСКИЕ ПЕСКИ	ДЮМА АЛЕКСАНДР
БУКВА «С»	
БУКВА «R»	ЕЖЕДНЕВНИК
БУЛЬОН	ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС
БУТОВАЯ КЛАДКА	ЖЕЛТЫЙ
	ЖУЛЬНИЧЕСТВО
ВАЛИК	«ЗАПРЕТНАЯ ПЛАНЕТА»
«ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ»	ЗЕЛЕНЬ

ЗИМНИЙ САД
ЗУБНАЯ БОЛЬ

ИГРА В ГО
ИКАР
ИСТОКИ

КАМЕШЕК
КАНАТ
КАРАБИН
КАРПАЧЧО ВИТТОРЕ
КАШТАНЫ
КИПАРИС
КОВРОЛИН
КОЛЫБЕЛЬ
КОЛЯСКА
КОСТЬ
КРЮЧОК
КУВШИН С ВОДОЙ
КУХОННАЯ ПЛИТА

ЛАМПОЧКА
ЛЕВ
ЛЕГКАЯ ДРЕМА
ЛЕОПОЛЬД БЛУМ
ЛИНИЯ МОРИСА
ЛОДКИ
ЛОЖЕЧКА
ЛОШАДКА НА КОЛЕСИ-
КАХ
ЛЮДОВИК XVI
ЛЮЦЕРНА

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ
МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК
МАНИКЮРНЫЕ НОЖНИ-
ЦЫ
МАРМЕЛАД
МАРШМЕЛЛОУ
МАСЛЯНЫЙ КРЕМ
МЕЛЬБУРН

МИНЫ ЗАМЕДЛЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ
МИР
«МИШЛЕН»
МИЧИГАН
МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ПЛЕ-
МЯННИЦА
МУЗЫ

НАСАЖДЕНИЯ
NO MAN'S LAND
«НУВЭЛЬ РЕВЮ ФРАН-
СЭЗ»
НЯНЯ

ПАРАДИ
ПЕДИКЮРНЫЙ
ПЕРЕКУСИТЬ
ПИАНИСТ
ПИЗА
ПИТЕЙНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
БРАТЬЕВ СИМИЧ
ПЛАТАН
ПЛЕСК ВОЛН
«ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ»
ПОДСТАВКА ДЛЯ ДРОВ
ПОЛДНИЧАТЬ
ПОЛЯКИ
ПОНТУАЗ
ПОРТУЛАН
ПОТЕРН
ПОЧТОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ
ПРАЧЕЧНАЯ
ПРАЧКА
ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ПАРАЛ-
ЛЕЛЕПИПЕД
ПТИЦА

РАЙТ ФРЭНК ЛЛОЙД
РАЗВОДНОЙ КЛЮЧ
РАЗГОВОР

РАКИ
РОДИНА-МАТЬ
РОЖДЕСТВО
РОСТАН ЭДМОН

САДОВНИК
САМОЛЕТ
САНРЕДАМ ПИТЕР
САПОГИ
СВЯТАЯ ЕЛЕНА
СВЯТОЙ ИЕРОНИМ
СВЯТОЙ ФОМА АКВИН-
СКИЙ
СВЕЧА
СЕЙФ
СЕН-ДЕНИ
СЕН-ЖАК
СЕН-ЖАН-РОРБАК
СЕН-ЖЕРМЕН
СЕН-КЛУ
СЕН-ЛАЗАР
СЕН-НАЗЭР
СЕНТ-АНТУАН
СЕНТ-ОНОРЕ
СЕН-ШЕЛИ-ДАПШЕ
«СИЛЬВИЯ СКАРЛЕТТ»
СИРЕНА
СИСЛЕЙ АЛЬФРЕД
СКЕЛЕТ
СКИННЕРОВСКИЙ ЯЩИК
СЛОНЫ
СПАГЕТТИ
СТАТУЯ
СТИЛЬ

«ТАЙНА» из МЕРЕНГ С КРЕ-
МОМ
ТАРН
Т-ОБРАЗНЫЙ КЛЮЧ

ТОЛСТЯКИ
ТОСТЫ
ТРАЗИМЕНО
ТРЕХЦВЕТНЫЙ ФЛАГ
ТРУБКА
ТУЛЬ
ТУМАН

УРНА С ПЕДАЛЬЮ

ФАРФОР
ФИСГАРМОНИЯ
ФИОЛЕТОВЫЙ
ФОТОКАРТОЧКИ
ФРЕЙД ЗИГМУНД

ХИМЧИСТКА
ХОД КОНЯ
ХРИСТОФОР КОЛУМБ
ХРОМОЛИТОГРАФИЯ
ХРОМОСОМА

ЦИЦЕРОН

ЧЕРДАК
ЧЕРЕШНЯ
ЧЕРНИЛЬНИЦА
«ЧЕРНЫЙ ЛЕВ»

ШИТЬЕ
ШОТТ

ЭБЛЕ ЖАН-БАТИСТ
ЭВЕРИ ТЭКС
ЭЙЛЕР ЛЕОНАРД
ЭКИПАЖИ
ЭТРЕТА

ЯБЛОКО

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Жозе Мария де Эредиа*. Трофеи. М.: Наука, 1973. С. 124. Пер. студии М. Лозинского.
- ² *Фр. néanmoins* — однако.
- ³ *Assomnoir* — неправильное написание *фр. assommoir* — западня, ловушка.
- ⁴ Псевдо-кенина — сложная стихотворная форма, разработанная поэтами группы УЛИПО и названная именем Р. Кено. Если секстина провансальских поэтов XIII века — комбинаторная последовательность строф по шесть одиннадцатисложных стихов в строфе, имеющих всего шесть различных окончаний, то «псевдо-кенина» строится путем перестановки десяти строф, по десять строк в строфе. Более подробно см.: *Т. Бонч-Осмоловская*. Порядок, хаосмос, пустота (математические формы и естественно-научные парадигмы в «романах» Жоржа Перека «Жизнь способ употребления») в журнале «НЛО» (2010, № 106).
- ⁵ *Intra muros* — в стенах (*лат.*), т. е. внутри крепости или цитадели; здесь: в черте города.
- ⁶ *Фр. pré* — луг.
- ⁷ *Жюль Верн*. Вокруг света в восемьдесят дней. М., 1956. С. 38. Пер. Н. С. Габинского.
- ⁸ *Фр. nivelle* — уровень, ватерпас.
- ⁹ *Фр. hexagone* фигурально обозначает Францию, чья форма на карте напоминает шестиугольник.
- ¹⁰ *Итало Кальвино*. Знак в пространстве // Итало Кальвино. Космическо-мифические истории. М., 2010. С. 52. Пер. Н. Ставровской.
- ¹¹ *Лоренс Стерн*. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. (Библиотека всемирной литературы). М., 1968. С. 397. Пер. А. Франковского.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Страница	14
Постель	23
Комната	29
Квартира	37
Двери	54
Лестницы	57
Стены	58
Дом	60
Улица	68
Квартал	85
Город	89
Деревня	101
О движений	107
Страна	109
Европа	114
Старый континент	114
Новый континент	114

Мир	115
Пространство	
О прямых линиях	123
Измерения	124
Играть с пространством	129
Покорение пространства	132
Нежилое	138
Пространство (продолжение и конец)	141
Перечень некоторых слов, использованных в этой работе	145
Примечания	146

По вопросам, связанным с приобретением книг
Издательства Ивана Лимбаха, обращайтесь
к нашим торговым партнерам:

ОПТОВЫЕ ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ:

ЗАО «Книжный клуб 36.6»

тел.: (495) 926-4544, Москва

ООО «Мир интеллектуальной книги»

тел.: (495) 786-3635, Москва

Торговый дом Фигурновой

тел.: (499) 346-0318, Москва

ООО «Книготорговая компания «Берроунз»

тел.: (495) 971-4792, Москва

ООО «Университетская книга-СПб»

тел.: (812) 640-0871, Санкт-Петербург

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

тел.: (812) 430-9921, Санкт-Петербург

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ:

«Порядок слов»

Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15

ул. Караванная, д. 12 (3-й этаж Дома кино)

тел.: (812) 310-5036

«Книжный окоп»

Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 11/5

тел.: (812) 323-8584

Магазин издательства «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 9

тел.: (812) 490-6499